

В а г а н т С в

**ПУШКИН
37 - ГО
ГОДА**

Уфа

ИЗДАТЕЛЬСТВО
VAGANT®

2010

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6-4
В 12

Вагант Св. Пушкин 37-го года [Текст] : стихи и проза. — Уфа : Вагант, 2010. — 192 с. (Уфимская книга)

Вагант Св – псевдоним уфимского филолога и издателя, автора ряда работ в области жаргонологии, в том числе *Словаря уфимского сленга* и *Словаря карточной терминологии XIX века*. В настоящем издании представлены три трогательные истории любви, дополненные лирическими произведениями.

ISBN 978-5-9635-0224-2

© Вахитов С.В., 2010
© Вагант, 2010

**ЛЮБИ
МЕНЯ
ВСЕГДА**

повесть

*Чего нам ещё не хватает? Осени или зимы?
Быть может, прощенья женщин, в которых мы влюблены
Были совсем недавно? Осталась одна вина.
Осень — это похмелье. А что же тогда зима?*

Глава 1

Мураками — Крыса — Калюля — Паук

Как можно провести отпуск одному? Остатки отпуска? Конечно, по-разному. Можно, например, купить книжку Харуки Мураками¹, сесть в парке и читать запоем с первой до последней страницы. Кому-то покажется странным такой вид отдыха, но я поступил так.

Я стоял у полок в книжном магазине и перелистывал книгу рассказов Чарльза Буковски², размышляя о тонкостях перевода и уместности вульгаризмов, рассыпанных на страницах его произведений. Мне нравился стиль изложения, но не нравились цена и вид книги, обложка которой была надорвана. В тесном пространстве между полками меня буквально зажали с двух сторон две девчущки-студентки, на

¹ Харуки Мураками (род. 12 января 1949 г.) – популярный современный японский писатель и переводчик. Удивил меня тем, что написал увлекательную книгу с нарушением всех возможных законов литературных жанров.

² Генри Чарльз Буковски (1920 – 1994) – американский поэт, романист, один из самых знаменитых алкоголиков Америки. Меня как жаргонолога забавляют переводы его книг на русский язык.

Вагант Св

ходу обсуждавшие романы Мураками и ворчавшие, что ничего нового нет. Я был удивлён, во-первых, тем, что современная молодёжь вообще что-то читает (у меня имелись сомнения на этот счёт), а во-вторых, тем, что девушки (!) читают интеллектуала-японца.

— И что, вы всё это прям на самом деле читаете-читаете? сбивчиво и довольно глупо спросил я, обращаясь к одной из девчушек, которая была поменьше и в очках, однако ответила вторая — потолще и без очков:

— Да, читаем-читаем! — и улыбнулась добродушно.

— А почему вы читаете Мураками?

— Но это же интересно! — удивлённо добавила другая и с сожалением посмотрела на меня. Я перестал задавать глупые вопросы. Взял первую попавшуюся книжку с безнадёжным названием «Слушай песню ветра»³ и, расплатившись, пошёл в парк.

Неторопливо, страничку за страничкой смаковал я необычную книжицу и думал о чём-то своём. Странно, что главного героя совсем никак не звали, а у его друга была только кличка — Крыса...

Когда я жил в своём деревенском доме, крысы, бывало, доставали меня: приходили откуда-то с колхозных складов и пытались обустроить свою жизнь у меня на веранде — рыли норы, прогрызали полы, гадили где ни попадя. Естественно, я с ними боролся. Травил безжалостно этих мерзких серых тварей. Вот мыши, они тоже приносят вред, но на вид бы-

³ Первая книга Харуки Мураками, первая часть так называемой «Трилогии Крысы».

Люби меня всегда
вают очень симпатичны, если не принимать во внимание их специфический тошнотворный запах. А крысы — они очень противны: удлинённые головы со злющими острыми глазами и такими же острыми зубами и длинные голые хвосты, исчезающие в последнюю очередь, когда ты появляешься на веранде. Я их ненавижу и травил.

Бабушка как-то рассказывала, что в молодости работала в совхозе дояркой. Однажды под утро, когда она ещё спала, целая стая крыс появилась из подпола дома и заполонила всю комнату. Но самым страшным было то, что они залезли на кровать и стали бегать по бабушке. Она испугалась, укрылась одеялом, боялась пошевелиться и почти не дышала. Только чувствовала всё нарастающую тяжесть взбирающихся на неё крыс. Естественно, её не дождалась на утренней дойке, и бригадир пришёл узнать, что случилось.

— Зоя, что с тобой? — стал звать он её из-за двери.

— Дядя Ваня, посмотри в окно, — откликнулась бабушка.

Дядя Ваня заглянул в комнату и ужаснулся:

— Зоя, ты только не шевелись, только не шевелись, — молил он, — коров мы и без тебя подоим.

Кроме как советом, он ничем помочь не посмел. Когда совсем рассвело, несознательные крысы, бессовестным образом вмешавшиеся в процесс производства молочной продукции, так же дружно ушли, оставив бабушку в покое. Эта история запомнилась ей на всю жизнь, и пересказывала она мне её неоднократно.

Травить крыс не страшно: ты не видишь, как они мучаются и умирают. Зато испытываешь удов-

Вагант Св

летворение, когда удаётся от них избавиться. Но однажды мне привелось убить крысу собственноручно. Я убил её потому, что долгие годы боролся с её родом, доставлявшим мне очень много хлопот. Она не была похожа на других. Рыжеватая⁴. Что-то случилось, и она не могла сопротивляться, не могла бежать и лежала на траве почти неподвижно. Может быть, была больна. Я поднял большой камень и чуть помедлил. Она посмотрела мне прямо в глаза, и я понял: она знает, что сейчас умрёт. В её глазах не было страха, только сожаление и огромная грусть. Я опустил камень ей на голову и, развернувшись, пошёл прочь. Это произошло лет двадцать тому назад, но её предсмертный взгляд, разумный, почти человеческий, до сих пор преследует меня. Мне даже кажется, что в последнее мгновенье её жизни между нами возникла какая-то непонятная связь. Она оставила мне какую-то тайну, очень важную для меня. Но какую? Вряд ли когда-нибудь я узнаю об этом.

В книге Мураками Крыса — персонаж, к которому испытываешь сочувствие. Больше всего мне понравилось то, что Крыса пишет повести, в которых нет сцен секса и никто не умирает.

Был замечательный летний день. Я сидел на скамейке в парке, радовался тёплому солнышку и весёлому ветерку, напоминавшему игривого щенка, который так и норовит лизнуть тебя в ухо, в щёку, в

⁴ Мой любимый цвет — оранжевый. А кто-нибудь знает, чем он отличается от рыжего? Многие видят их различия лишь в грамматике языка — в стилистике и в сочетаемостных характеристиках слов. На мой взгляд, чисто ассоциативно, в оранжевом цвете больше жёлтого, а в рыжем — красного. В любом случае, оба оттенка символизируют жизнь и солнечную энергию и совсем не связаны со смертью.

Люби меня всегда

нос. С ветки тополя надо мной на паутинке спустился паучок и пополз по стеклу очков⁵. Я не стал сбивать его и калечить, как, может быть, сделал бы раньше, а осторожно отправил непрошеного гостя гулять по травке. «Никто не должен умереть, — сказал я сам себе. Потом, строго взглянув на девушек, сидящих на соседней скамейке, добавил: — И никакого секса!»

Я даже не послал на х.. парня, с умным деловым видом прохаживающегося мимо моей скамейки и орущего что-то в телефон. Конечно, парк — это не театр и не изба-читальня, но ведь надо же иметь хоть немного уважения к тем, кто с тобой рядом. Разве можно вот так бесцеремонно горланить о своих проблемах, не думая о том, что люди отдыхают и философствуют на разные темы? Размышляют о природе вещей, об искусстве или хотя бы даже о крысах. Почему бы и нет?

Лет до тридцати я никогда не матерился. Я думаю, что был тогда очень счастливым человеком просто потому, что мне незачем было материться. Некого было материть. Какое же тогда было удивительное время!

В детстве меня часто оставляли дома одного. Одиночество меня не тяготило. Я не был общительным ребёнком, редко играл с детьми во дворе, зато своё свободное время отдавал книгам. Читал всё подряд запоем с утра и до вечера. Родители возвращались домой с работы поздно, и, когда они отрывали меня от книги чтобы накормить, у меня темнело в глазах от усталости.

Из-за безудержного чтения развилась близорукость. Сначала небольшая. Минус 0,75. Моя учитель-

⁵ По народным приметам, появление паука – к письму.

Вагант Св

ница начальных классов всполошилась, заметив, что я стал щуриться, глядя на доску, и велела отвезти меня к районному окулисту. Окулист по фамилии Санкин долго что-то писал в бумажке, а потом строгонастрого повелел, чтобы я носил очки постоянно. Мне купили страшную пластмассовую оправу, которая уродовала лицо и которой я сильно стеснялся. Окулист, как я теперь понимаю, был неграмотным и лечить глаза не умел. Каждый год я ездил к нему на приём; Санкин мрачно качал головой, говорил о моём слабом здоровье и выписывал новые очки с ещё большими диоптриями. Когда он довёл их до минус шести, я обращаться к нему перестал.

Фамилия окулиста запомнилась мне потому, что в то время газеты писали об убийце-таксисте, которого тоже звали Санкин. Санкин подсаживал в такси молодых клиенток, а потом насиловал их и убивал. Обычно топил в проруби. Конечно, окулист к нему никакого отношения не имел, но осадок, как говорится, остался. Санкину я благодарен за то, что в результате его лечения я оказался непригодным к строевой службе и, вместо того, чтобы пополнить ряды вооружённых сил, поступил на филологический факультет университета.

Кстати, если говорить о чтении, то никакого Мураками тогда и в помине не было. А что я читал? Книги о войне и классику. Кажется, это всё, что продавалось тогда в книжных магазинах. Хотя, нет, были ещё книги писателей советских республик. Помню, пятиклассником я с отцом подошёл к книжному киоску и выбрал роман эстонского автора Эдуарда Борнхёэ «Князь Гавриил, или Последние дни монастыря святой Бригитты»⁶. «Не рановато ему?» —

⁶ По этой книге в 1969 г. в Таллине был снят первый советский вестерн режиссёра Григория Кроманова «Последняя реликвия», в котором сни-

Люби меня всегда

спросил папа киоскёра. «Нет, это хорошая книга», — ответил продавец. Он почти не лукавил. Я прочёл её за один день и сейчас храню эту книжку в своей библиотеке.

Приключенческой литературы было тогда не достать, о детективах мы не слышали. Майн Рид, Дюма и Конан Дойль пришли по благу в библиотеке только в старших классах. Но уже была научная фантастика. Уже читали «Страну багровых туч». Я был примерным учеником и отличником и предпочитал серьёзную литературу, а мой друг, известный хулиган и двоечник по кличке Калюля, читал тоже очень много, но только одни сказки. Он перечитал все тома «Тысячи и одной ночи» и не только их. Его бабушка была верующей мусульманкой и сделала ему обрезание. Почему-то сама. После этого обряда он перестал расти, так и остался маленьким. Словно не хотел покидать своё сказочное детство.

Многие хорошие писатели были тогда под негласным запретом и не издавались. Тем не менее, все читали запретного Булгакова, запретного Бунина, запретного Пастернака. Страна переписывала их произведения и заучивала наизусть. Не сравнить с сегодняшним временем — веком боевиков, детективов и нескончаемых телевизионных сериалов. Правда, некоторые читают Мураками. Их немного.

Много таких, кто вообще ничего не читает. Когда я стал работать в приёмной комиссии университета, я впервые столкнулся с этой бездуховной массой, которую интересовали только деньги и их количество. Тогда я научился материться. И тогда стал много пить. И то, и другое снимало напряжение.

мались Ролан Быков, Александр Голобородько, Эльза Радзиня, Ингрид Андринь, Эве Киви и другие замечательные актёры.

Вагант Св

Хоть и ненадолго. Потом я снова матерился и снова пил. Хорошо, что рядом всегда были друзья. Они меня поддерживали, то есть тоже матерились и тоже много пили. Так мы и работали некоторое время, пока наша команда не распалась.

Паук, которого спасло искусство японского писателя, засеменял по каким-то срочным делам, а я неспешно направился в свою общагу. Поднявшись к себе на этаж, я увидел в дверях комнаты записку, сложенную треугольником, словно фронтное письмо:

ПРИЕЗЖАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО, БАБУШКА БОЛЕЕТ.

Почерк был крупный, какая-либо подпись отсутствовала. Видимо, писал ребёнок под диктовку взрослого.

Бабушка моя жила одна в деревне, находившейся в шестидесяти километрах от города, и было ей уже за восемьдесят. Поэтому, забыв про всё, я помчался к ней.

Глава 2

Бабушка и девочка

Она умерла ночью через полтора года. Мама плакала. Я вошёл в комнату и увидел, что глаза бабушки чуть приоткрыты. Я закрыл их и долго держал веки, пока они не застыли. И уже решил, что всё в порядке, и задремал, но дьявольская сила перехитрила меня. Когда я проснулся, оказалось, что глаза

Люби меня всегда
опять приоткрылись. Бабушка будто смотрела на
меня, пока я спал, и было жутко.

...А в тот вечер я долго стучался в дверь нашего
деревенского дома. Бабушка смотрела на меня в ок-
но и не то чтобы не узнавала в наступивших сумер-
ках, а словно не видела: взгляд её был устремлён
сквозь моё тело в совершенно другое время, в дру-
гое измерение. Кое-как я докричался до неё, и она
открыла. В глазах её не было радости, как обычно,
когда я приезжал. Было безразличие.

Поставили чайник, я сел на диване в зале, а ба-
бушка стала накрывать на стол. Полы были бетон-
ные, покрытые линолеумом, и в тишине пустого до-
ма отчётливо раздавался размеренный перестук её
тапочек. Я взглянул на часы, имевшиеся в доме,
чтобы выяснить, который час: настенные часы с ку-
кушкой давно уже стояли, а те, которые ещё шли,
существовали как бы сами по себе, вне реальности,
и показывали время весьма причудливо. Тогда я
включил телевизор и под его шум стал пить чай.

Чаепитие в нашей семье никогда не являлось
процессом утоления жажды. Чаепитие — это было
время, когда вся семья собиралась вместе. Это было
время отдыха. За чаем обсуждались какие-то общие
проблемы, именно за чаем дети могли полностью
ощутить неподдельное внимание и заботу родите-
лей, выслушать их советы, задать наболевшие во-
просы. Отец всегда шутил и рассказывал забавные
истории, над которыми я от души смеялся. Было ве-
село и необыкновенно комфортно. В остальное вре-
мя родители были заняты делами по хозяйству, и им
было не до детей. Поэтому мне всегда хотелось,
чтобы чаепитие длилось как можно дольше. Когда
приезжали гости, немедленно подавали чай, и с ни-

Вагант Св

ми долго беседовали. Перед их отъездом опять-таки устраивалось чаепитие. Мне нравилось, когда приезжали и уезжали гости, так как можно было дольше общаться со своими родными.

Поначалу я совсем не обратил внимания на то, что бабушка поставила на стол три чашки чая, хотя мы были только вдвоём: она старая и часто ошибается, вечно что-то забывает и всё путает. Я к этому привык. Пили молча, потом бабушка стала что-то рассказывать. Я почти не слушал, думая о чём-то своём, поэтому понял только, что приходили какие-то люди, женщина и мужчина, её знакомые, стучали в окно, звали куда-то с собой, но она не пошла. А ещё приходил неизвестный мужик, нагло разлёгся на диване и заявил, что будет жить в этом доме со всей своей многочисленной роднёй. Его родня тут же и повалила в дом, еле удалось всех выгнать, и только маленькую девочку пожалела, так как она была очень голодная, да и одежонка на ней плохая, а на улице уже не лето. «Так и живём теперь вместе», — закончила бабушка свой рассказ. Тут только я включился и недоумённо переспросил: «С кем?» — «Да с девочкой же!» — раздражённо ответила бабушка, поражаясь моему слабоумию.

Пришла соседка, отправившая мне записку, рассказала, что бабушка давно заговаривается и ведёт себя как сумасшедшая. Буквально на днях она прибежала в деревенский магазин и стала кричать, что дом её горит. Все в панике побежали тушить, однако пожара не было. «Присмотр за ней нужен и лечение, забирайте её, пока она на самом деле чего-нибудь не сожгла», — сказала соседка. Я поблагодарил добрую женщину за заботу, и она, распро-

щавшись, ушла. «Утро вечера мудренее», — подумал я и отправился спать.

Ночью я проснулся от шлёпанья бабушкиных тапочек. Было слышно, как бабушка ходила из комнаты в комнату, бормоча что-то себе под нос. Это продолжалось довольно долго. Наконец я не выдержал и вышел из спальни. Я удивился, что на диване была расстелена постель. Для кого?

Бабушка была сильно обеспокоена. «Что случилось?» — спросил я, чувствуя, что начинаю тревожиться. «Противная девчонка, — проворчала бабушка, — очень непослушная и вечно от меня прячется. Никак не могу её найти». И затопала дальше. Я стал ждать, что же будет. «Смотри-ка, куда забралась», — раздался через некоторое время её голос из кухни. Я зашёл посмотреть. Бабушка показывала под потолок у расширительного бачка отопления, куда была приставлена лестница. Конечно, я никого не увидел, а она сняла невидимую девочку, унесла в постель и заботливо укрыла одеялом.

Наутро созвонились с дядей. Он приехал быстро. Кое-как уговорили бабушку ехать к нему. Мы врали ей, что она едет погостить и скоро вернётся. Когда уже садились в машину, бабушка обернулась ко мне, посмотрела так грустно-грустно и сказала: «Ты уж присмотри за этой девочкой». Я обещал.

«Где ты был?» — задала свой излюбленный вопрос жена, когда я вернулся. Я объяснил и добавил: «Только я не один, я с девочкой». Жена странно посмотрела на меня и покрутила пальцем у виска. Тогда я думал, что шутил.

А через полгода бабушка сожгла дядин сарай. Какие были для этого причины, мне неизвестно. «На свете есть ещё много сараев, которые только и ждут, чтобы их сожгли»⁷. Но тётя этого понять не могла. Она надавила на дядю, и бабушку быстренько перевезли к нам. Следующие полгода она прожила в общежитии.

Жена отказалась за ней смотреть, сказав: «Ты со мной не советовался», — и хлопнула дверь. А когда было советоваться? Да и были ли другие варианты? Так что приходилось выкручиваться самому. Мы с бабушкой жили в отдельной комнате. Каждый день я ломал себе голову, чем бы её накормить. Днём, пока сам был на работе, держал её взаперти и очень боялся, как бы чего не случилось. За зиму только раз мы с ней вышли погулять на улицу, больше она не захотела.

Благо, помогал братишка, который жил рядом. Мы покупали дорогие лекарства, жена брата обстирывала бабушку, купала и делала ей уколы. Лекарства почти не помогали. Память стремительно ухудшалась. Чаше и чаще случались приступы, когда бабушка становилась совсем невменяемой; она буйствовала так, что сбегалась вся общага. Моя жизнь превращалась в ад. Чтобы не видеть всего этого, я начал пить ещё больше, и порой братишка не знал, кого успокаивать первым — меня или бабушку.

Так прошла зима, а летом бабушку забрала мама. В начале осени бабушки не стало. Перед смертью она пришла в себя, пыталась подтрунивать над своим беспомощным состоянием и благодарила маму за то, что не бросила её в беде, хотя бабушка и

⁷ Цитата из книги Харуки Мураками «Сжечь сарай».

Люби меня всегда приходилась ей свекровью, и жили они не всегда дружно.

Я считал, что наконец-то закончилось моё испытание, из которого я вышел всего-навсего одиноким пьяницей, но жизнь всегда готова преподнести сюрпризы.

Когда я уже начал было приходить в себя и потихоньку обустраивать свой быт, в дверь постучали. Я открыл и увидел на пороге девочку в простеньком розовом платице.

— Ты кого ищешь? — спросил я, решив, что она ошиблась дверью.

— Можно я у тебя поиграю? — попросила она. — Мне очень одиноко, так одиноко, что хочется плакать.

Я растерялся от столь неожиданной просьбы. А она уже прошла в комнату, и мне оставалось только улыбнуться и спросить: «Чаю будешь»? Она рассмеялась звонким колокольчиком: «Да, с конфетами!» Конфет, конечно, не оказалось, и мне пришлось плестись за ними в магазин. Когда я вернулся, девочка уже вовсю играла в свои девичьи игры и словно не замечала меня. «Как тебя зовут?» — спросил я, но она не ответила, увлечённая игрой. «Ладно, узнаю позже», — подумал я. Потом мы пили чай, и я удивлялся её непоседливости, из-за которой чай был разлит, крошки кекса сыпались направо и налево, и пятна варенья постепенно сливались в озёра на совершенно новой скатерти. Я и сам не отличаюсь аккуратностью, поэтому, поняв, что генеральной уборки не избежать, смирился и занялся своими делами. Только шум детской игры никак не давал сосредото-

Вагант Св

читься, и я раздражался, а девочка задавала свои бесконечные глупые вопросы:

— А почему у тебя шторы всегда задёрнуты? Ты что, не любишь солнечного света?

— Просто я не люблю, когда кто-то вторгается в мой мир, — несколько грубо ответил я. — Не пора ли тебе домой?

Она вздохнула, взяла свою куклу и ушла рассерженная, даже не попрощавшись.

А ночью я проснулся от детского плача. Я был в шоке, когда, включив свет, увидел девочку, сидящую на кровати напротив моего дивана, однако объяснил всё тем, что забыл запереть дверь. Девочка всхлипывала. И хотя в последнее время женские слёзы не вызывали во мне жалости, я участливо спросил:

— Что с тобой, откуда ты?

— Меня никто не любит, — еле выговорила она сквозь слёзы.

— Почему это никто? Вот я, например, — соврал я, и она обвила мою шею своими тоненькими ручками. Я был тронут столь неожиданным доверием и, уложив девочку спать, сам уснул несколько озадаченный.

С этого дня, а вернее — ночи, я перестал быть одиноким. Девочка приходила ко мне и уходила неизвестно куда, когда ей заблагорассудится. Сначала я мирился с этим, затем привык, а потом стал скучать без неё, всё-таки вдвоём всегда веселее, нежели одному. Кроме того, мне приходилось заботиться о ней, а когда заботаешь о ком-либо, забываешь о собственных невзгодах и в жизни появляется хоть какой-то смысл.

Глава 3 История с Гитлером

— Смысл жизни в том, чтобы его искать, — уверенно произнёс Калюля, изрядно отпив пива из бокала и яростно вращая глазами, — а вот когда его найдёшь, тогда и будешь счастлив, как все великие. Надо быть великим. Маленький человек никогда не будет счастлив.

Он горестно ухмыльнулся, и от его улыбки стало ещё сумрачней и в без того тёмном пивном погребке, где мы общались последние полтора часа, просаживая мою скромную зарплату. Отчаянье в глазах Калюли говорило о том, что денег нам на сегодня не хватит и придётся искать ещё.

— Вот ты посуди, — продолжал он, нервно поглаживая густую рыжую бороду, — разве стал счастливее Наполеон, завоевав полмира? Нет, потому что он был маленьким. Пыжился-пыжился, а ему раз и Ватерлоо подсунули с островом Св. Елены и мышьяком, чтоб жизнь мёдом не казалась.

Я был уже пьян, плохо улавливал логику рассуждений Калюли и всё пытался найти связь между величием человека и его ростом.

— А мне кажется, — сказал я, — великие люди никогда не бывают счастливы, они только приносят боль и страдание своим близким и тем, кто их окружает. И чем величественнее человек, тем больше страданий он приносит. Возьми, к примеру, Иисуса. Он, конечно, страдал за людей, но, тем не менее, и сам принес в мир нескончаемый поток страданий. Прежде всего своим последователям, которые были не настолько умны, чтобы понимать его учение, но жаждали верить в его слова. Только, веря в его величие, фанаты в про-

Вагант Св

стных изречениях Иисуса искали более глубокий смысл. Даже так: сложное понимали буквально, а простое метафоризировали и тоже понимали по-своему. В результате проповеди Иисуса получали прямо противоположный смысл. Он и сам ужасался, видя записи своих речей, но ничего не мог с этим поделать. И тогда решился на шоковую терапию, думая своей смертью открыть глаза людям на зло, ими творимое.

— Ты богохульствуешь, — прервал раздражённо Калюля, пережёвывая остатки воблы. При этом вместо «богохульствуешь» получилось внятное «богох.йствуешь». И за соседним столом заржали. Это был смех сытых самоуверенных нацистов.

Улыбающийся официант принёс ещё пива:

— Вам презент от соседнего столика.

Мы подняли кружки и раскланялись с соседями, сидящими в ярко освещённом углу. То были люди в форменных одеждах. Один из них направился к нам.

— Это Гитлер, — сквозь зубы прошептал Калюля, — не говори ему, что ты еврей.

— Да вообще-то я татарин, — растерялся я.

— А для них это одно и то же, — зашипел Калюля и, привстав, приветствовал подошедшего: — Добрый вечер, хер Адольф.

— А вот за «хер» вы ещё ответите, — сказал подошедший. В освещённом углу заржали сильнее, и Калюля как-то сник и сжался.

— Можно к вам присесть?

— Валяй, — ответил я и спросил: — Ну, и как жизнь, Гитлер? Что нового? Говорят, лучше уж дочь-проститутка, чем сын-ефрейтор?⁸

⁸ Известная солдатская поговорка. Полагаю, многие помнят, что Гитлер — единственный известный носитель звания ефрейтор. А может, я ошибаюсь?

Люби меня всегда

Гитлер невозмутимо откинул рукой длинную прядь со лба, обмочил коротенькие усики баварским пивом и, проигнорировав мою грубость, грустно заметил:

— Вот вы говорите смысл жизни, великий человек, маленький и всё такое прочее. Но я вам скажу, что, только имея власть и силу, можно достичь своей цели. А цель у нас одна — счастливая жизнь в счастливом обществе.

— И как же вы полагаете прийти к такому обществу? — вопрос мой был прямой и с ехидством.

— Через борьбу. Мы, как хирурги, должны отрезать все болячки на теле социума, возродить здоровье нации и дать людям всё, что им необходимо, чтобы чувствовать себя счастливыми.

— Да знаю я эту власть и счастье для народа! Вот у нас праздновали День Народной Республики. И что? Всех повыгоняли из города, стянули войска, пригласили милицию и ОМОН из соседних областей. Город закрыли для въезда, у студентов отменили занятия и отправили домой. Магазины не работали, вечером отключили на улицах свет, дабы люди сидели дома. Это ж надо, как власти боятся народа, для которого строят счастливое будущее! А вы что, готовите новый путч?

— А что ещё можно готовить в пивнушке? Не хотите присоединиться?

Калюля уже нажрался до безобразия и, засыпая за столом, клевал носом так, что со стороны это можно было понять как одобрение планов нацистского гения, поэтому мягко и нежно я произнёс свою любимую фразу, неожиданно приходящую на ум в состоянии приличного опьянения:

— Да пошёл ты на...

Вагант Св

Друзья уже привыкли к моим пьяным выходкам и не обращали на это внимания, но нацисты были в полном восторге от моих слов. Неторопливо подойдя ко мне сзади, они за руки вытащили меня из-за столика и, раскачав, долбанули об стену.

Когда я очнулся, было так же темно. Голова раскалывалась от боли. Рядом на грязном бетонном полу валялся пьяный Калюля. «Это не вытрезвитель, — подумалось мне, — в вытрезвителе есть лежаки и дают простыни. Где же мы?» В углу что-то зашуршало. Приглядевшись, я различил силуэт огромной крысы. Вот твари! Даже бетонные полы им не преграда. Я подошёл ближе и понял, что это была тупая крыса, потому что она нисколько не боялась, а напротив, злорадно ухмылялась.

Ногой я растолкал Калюлю:

— Вставай, герой, если не хочешь, чтобы крысы отъели у тебя самое дорогое.

— А что, уже завтрак? Что дают? — сквозь сон пробубнил тот.

— Как всегда яичницу.

Калюля потянулся и сел:

— Как сыро у тебя. А что, кровати не было? Пива нет?

Он всё ещё находился в мире грёз и туманов, и, чтоб вернуть его в реальность, я пнул его в бок и сказал:

— Очнись, придурок, мы в тюрьме.

— В какой тюрьме?

— В крысиной.

Тут только он начал что-то осознавать и потихоньку трезветь.

— Что у тебя с головой? У тебя кровь.

— Раскололась от вчерашних впечатлений.

— Ничего не пойму, и всю ночь Гитлер снился.

— Он не снился. Он завербовал тебя. Теперь ты главный ээсовец, — мрачно пошутил я.

— Да пошёл ты со своими шутками!

— Я бы пошёл, да некуда. Стены кругом.

И тут только Калюля полностью включился. А когда он трезв, то умница и может многое. Главное — заставить его думать.

— Откуда эта крыса? — немедленно спросил он. — Ты же не допускаешь, что её тоже посадили под арест?

— Наверное, с улицы.

— Вот именно. Значит, у неё должен быть ход. Надо прогнать её и посмотреть, куда она сунется.

— А потом мы полезем за ней, — догадался я и стал хохотать на всю камеру, потому что эта мысль мне показалась очень смешной. — Я понимаю, что ты маленький, но боюсь, что даже ты не влезешь в эту нору.

Калюля был сдержан и серьёзен. И, несмотря на мои возражения, начал гоняться за крысой, пока та куда-то не юркнула, а Калюля с разбегу влетел во что-то хрупкое. Раздался шум, треск, и мой приятель неожиданно исчез, успев отчитать, словно рэппер, несколько замысловатых фраз сексуального содержания.

Из открывшейся дыры шёл свет. Заглянув в неё, я увидел офицера в шинели вермахта, с удивлением рассматривающего моего товарища, беспомощно валяющегося рядом. Помня, что сила во вне-

Вагант Св

запности, я не стал медлить и с криком «Бей фашистов!» прыгнул на офицера сверху и оглушил его, а затем, забрав револьвер, пошёл по коридору бетонного бункера.

Я нашёл фюрера в одной из дальних комнат. Я был в ярости, но Гитлер даже не посмотрел в мою сторону. Он сидел за столом в раздумье и внимательно изучал карту Америки.

— Как ты думаешь, — спросил он, — сколько арийцев должно родиться, чтобы заселить эти огромные пространства?

Я посмотрел на него с сожалением, но то, что он произнёс далее, было страшно:

— Да всего две тысячи! Вот так!

— Знаешь, Гитлер, мне это по фигу, я пришёл застрелить тебя, но сначала хотел бы закончить наш разговор в пивнушке. Что бы ты хотел такое сделать, самое важное в твоей жалкой жизни, чтобы стать абсолютно счастливым и без сожаления покинуть этот бранный мир?

Он посмотрел на меня глазами крысы, однажды убитой мною, и сказал:

— Я бы хотел оставить миру картину, огромное пейзажное полотно, — такое, чтобы, глядя на моё творение, все плакали и хотели жить⁹.

Я подумал и не стал стрелять. Ну его, пусть рисует.

⁹ Как известно, Гитлер был ещё и художником. Или думал, что был.

Глава 4 Маргоша

Девочка была в гневе:

— А если б тебя убили? Ты как маленький! Ищешь смысл жизни. Для чего? Чтобы найти его в смерти?

— Прекрати, — сказал я, — это всем известная философия. И перестань упрекать меня. Ты мне не жена.

— Я лучше, — обиженно ответила она. — Я ждала тебя. Я уже почти взрослая, а ты ничего не видишь. Дуррак!

— Ладно-ладно, — примирительно сказал я, — наверное, я не прав. Но пойми, ты для меня — цветок, за которым я ухаживаю. И только. Я хочу радоваться своему цветку, а не колоться об его колючки. Договорились?

— А ты не заметил, что это я ухаживаю за тобой?

Я посмотрел на неё удивлённо и ничего не ответил. Я устал и хотел выспаться. Молча мы пообедали, и я, извинившись, прилёг отдохнуть, а она стала мыть посуду. Настоящие женщины всегда моют посуду после еды.

Я лежал и думал, что всегда попадаю в какие-то переплёты. Но не помню, чтобы хоть раз вышел из них победителем. Истории меня ничему не учат. Разочарования, которые я постоянно испытываю, меня ничему не учат. Просто на некоторое время я ещё глубже забираюсь в свою нору, закрываюсь от мира плотными шторами на окнах и жду, когда...

Вагант Св

Запищала смс-ка, я взглянул на экран и прочёл: «Умри, сволочь! А ты умрёшь!» «Гитлер», — подумал я, но послание было от жены. Значит, опять напилась с подругами. Зазвенел телефон. Я напрягся. С сомнением в правильности того, что делаю, приложил трубку к уху и облегченно вздохнул: это была Марго.

— Привет, Стас! Как дела? — раздался весёлый девичий голос. Звучал он так беззаботно, что захотелось жить, и я улыбнулся:

— Привет, Маргош. Как всегда, замечательно. Иду ко дну¹⁰.

— А что так грустно? Что-нибудь на работе?

— Да нет, немного повздорил с Гитлером, и некоторые люди хотят моей смерти.

— Завидую тебе. Такая бурная жизнь! Гитлер — это твоя жена? — ирония мне не показалась неуместной, и я проямлил:

— Ну, не совсем жена. Моя жена всё-таки женщина, однако...

— Знаешь, развлекись как-то, что ли. Почитай или посмотри телевизор, — она всегда утешала меня и по-своему обо мне заботилась.

— Ты права, Маргоша, пожалуй, я приму ванну.

— Ни в коем случае! Уже очень поздно. В полночь они этого не любят!

Связь прервалась, и кто «они», я так и не слышал. Да и не придавал этому значения: Марго любит мистику и верит во все приметы сразу.

Забыл сказать, что Марго — это моя телефонно-интернетная подруга. Мы уже знакомы несколько лет, но я её никогда в глаза не видел. Познакоми-

¹⁰ В фильме 1957 г. «Высота» есть замечательная фраза Николая Рыбникова – Пасечника: «Настроение бодрое. Идём ко дну».

Люби меня всегда
лись мы однажды летом во время вступительной кампании в вуз. Я тогда был ответственным секретарём и занимался в основном тем, что отслеживал в экзаменационных списках результаты абитуриентов, представлявших интерес для начальства. Был вечер трудового дня¹¹. Телефон приёмной комиссии, который не умолкал целый день, зазвонил снова, и я взял трубку. Хотя по телефону может ответить и секретарша, я люблю иногда прикалываться и ставить людей в тупик какими-нибудь дурацкими ответами. Особенно, когда устаю от посетителей. Например, делаю вид, что телефон прослушивается, и во время беседы как бы невзначай приглушённо бросаю в сторону: «Товарищ майор, а вы магнитофон включили?» Быстренько пробиваю по базе адрес звонящего, благо номер его телефона высвечивается на определителе, и так же приглушённо продолжаю: «Запишите: Коммунистическая 27, квартира 13, Бурангулов». От неожиданности Бурангулов начинает запинаясь и вскоре забывает, зачем он звонит. Говорят, настоящий товарищ майор, прослушивавший нас, был с чувством юмора и очень при этом веселился.

— Привет, ты из приёмной комиссии? — звонила девушка, и я понял, что развести её будет нетрудно.

— Здравствуйте, гражданка! Чем могу Вам помочь? — голос мой звучал официально и грозно.

На другом конце звонко рассмеялись:

— Помогите мне поступить в ваш институт. Я буду хорошо учиться.

¹¹ A Hard Day's Night, или *Вечер трудного дня*, как обычно переводят название фильма с участием «Битлз».

Вагант Св

— Нет проблем! Сдаёте вступительные экзамены и вперёд, так сказать, грызть гранит науки.

— Какой у тебя приятный голос, а как тебя зовут?

Ох уж эти коварные женщины!

— Стас, — соврал я.

— А я Марго. Опиши, как ты выглядишь.

Это уже походило на секс по телефону, я чувствовал, что меня переигрывают, но пытался перехватить инициативу и продолжал сочинять:

— Знаешь, я совершенно лысый...

— Можно, я позвоню тебе завтра? — она вдруг прервала меня. И попросила она так нежно, что от неожиданности я растерялся, сконфузился:

— Да, разумеется. Позвони мне.

Я понял, что проиграл.

Она позвонила мне только через неделю. И я обрадовался ей как самому лучшему другу.

— Я уж думал, что ты пропала, — выдохнул я.

— Нет, просто я живу в Таллине.

— ?

— А почему ты такой грустный? — спросил её голос нежно и трепетно. — Устал сильно, да? А ты сегодня обедал? Хочешь я спою тебе песенку?

Я совсем не понимал слов этой песни, но простая мелодия обожгла мне сердце, и нечаянные слёзы хлынули из глаз. Это так приятно, когда о тебе заботятся! Но почему, казалось бы, родной человек, ради которого ты лезешь из кожи вон, лишь бы угодить ему, и творишь при этом чудеса неблагоразумия, остаётся к тебе совершенно равнодушным и от-

Люби меня всегда
носится чисто по-свински, с презрением, а чужой
бывает неожиданно внимателен?

— Чего ты сейчас больше всего хочешь? —
спросила она, допев.

— Больше всего я хочу в Прагу!

— Понимаю. Прага — город вечной любви. И я
там была счастлива много лет тому назад...

Говорят, что счастье — это когда тебя понима-
ют. И я понимаю тебя, Маргоша!

Глава 5 Интернет-сессии с Радугой

Сессия 1. Люди живут в разлуке

stas (09:44 PM) :

Это я, Марго, где же ты?

:-) raduga — Нет на месте: esli hotite napishite

stas (11:23 PM) :

Ничего я не пойму в этой аське, только знаю, что
тебя я ждал...

raduga (11:25 PM) :

**:-) Я рада, что ты здесь, я просто с сыном общаюсь,
а он, если рядом, ревнует меня жутко!**

stas (11:26 PM) :

Пусть меня извинит, но я соскучился сильно. Изви-
ни и ты, если я не прав.

raduga (11:28 PM) :

:-) Он сейчас уйдёт. Ты прав! Хочет поспать у меня.

stas (11:30 PM) :

Это хорошо! Он большой? У меня тоже есть дети, я
рад, когда они приходят. Как зовут сына?

Вагант Св

raduga (11:31 PM) :

:-) Его зовут АЛЕКС, ему 20 лет! Ты один?

stas (11:32 PM) :

Здорово! Моему старшему сейчас 21. Я один.

raduga (11:32 PM) :

У тебя двое? Ты развёлся? :-)

stas (11:33 PM) :

Как ты догадалась?

raduga (11:33 PM) :

Раз ты сказал, что один.

stas (11:34 PM) :

Смешная ты... Я хочу узнать о тебе ещё больше. Почему ты одна?

raduga (11:36 PM) :

:-) Потому что он старше меня намного :((...И я не смогла быть с ним, тяжело... он полукровка-немец! Ему 55. Смотрит на меня как крыса на добычу. Я не люблю крыс.

stas (11:37 PM) :

Все мы живём сложно, радуга, но я чувствую, что ты мне родная.

raduga (11:39 PM) :

:)) Я знаю, меня друзья зовут радугой, звонят и говорят: «Магазин, какая краска сегодня продаётся?»

:)) :-) Я понимаю тебя почему-то!

stas (11:42 PM) :

Марго, а ты знаешь, что испортила мне вечер? Я выпил всё сразу, как только ты написала «до завтра», и сейчас до безобразия трезв. Только я забыл, что завтра уже наступило.

raduga (11:43 PM) :

:-) Чудо ты! Я сама себе его тоже испортила! Хотела выпить и зажечь свечи. :-)

stas (11:43 PM) :

Ну, так зажигай!

raduga (11:44 PM) :

Стас? Ты что? тебе надо поспать. У тебя поздно или рано? :-) :-) Красиво горят!..

stas (11:45 PM) :

Мне завтра некуда идти. Воскресенье! Если скажешь приехать, приеду. А у вас, наверное, визы?

raduga (11:47 PM) :

:-) Да, хорошо, что воскресенье! Я побуду с тобой!.. Да, у нас визы :-)... Хочешь, пришлю что-нибудь? :-)

stas (11:48 PM) :

Это хреново. Но что делать? А я с 13-го буду в Праге. Тебе сложно там появиться?

raduga (11:49 PM) :

:-) Ты по делам или тур?

stas (11:49 PM) :

Вообще-то по делам, но взял турпутёвку, это проще.

raduga (11:50 PM) :

Я освобожусь только к сентябрю; может, я смогу к тебе, мне несложно :-)...

stas (11:52 PM) :

Ко мне куда? Приезжай, я буду рад, познакомлю с друзьями. А ты что, работаешь? Где?

raduga (11:52 PM) :

У меня 15 дней ещё будет! :-) Я работаю дизайнером интерьеров :-)

stas (11:52 PM) :

Интерьеров? Понял: ты шьёшь шторы!.. Почему только 15?

raduga (11:53 PM) :

:-) Нет, вот как раз шторы я не шью. Мне нравятся открытые окна. В августе я должна буду навестить своих :-)

Вагант Св

stas (11:54 PM) :

Дизайнер — это хорошо. А кого «своих» и где? Прости за уточнения, я всё думаю, нельзя ли где-нибудь пересечься.

raduga (11:56 PM) :

:-) Я тоже думаю, что хорошо! (Сын принёс мне вино!) Я поеду в РИГУ!!!

stas (11:57 PM) :

Как ты можешь пить без меня, Марго? Ты думаешь, до Риги — это ближе?

raduga (11:59 PM) :

:-[Я пью с тобой! Там у меня тётя заболела.

stas (11:59 PM) :

Жалко тётю...

raduga (12:01 AM) :

:-(Нет, там не так всё страшно, просто надо побыть!

stas (12:03 AM) :

А может, проще попасть в Ригу?

raduga (12:04 AM) :

Проще, только в сентябре, а то мне и тебе толком не побыть, если близкие меня в оборот возьмут!

stas (12:08 AM) :

О, как всё запущено! Я бы мог побыть и не с толком. Знаешь, мне так хочется тебя увидеть! Но если серьёзно, то я бы мог освободиться в сентябре. Как же жить ещё целый месяц?

raduga (12:10 AM) :

:-) Да, я очень хочу с тобой встретиться! Это здорово, если ты освободишься, у меня просто заказов много, да и поездка!.. Как декабристы жили? :-) Мы выживем! Чем ты занимаешься сам?

stas (12:12 AM) :

Родная моя, я работаю в издательстве, но вместо того, чтобы выпускать книжки, приходится заниматься

Люби меня всегда
всякой ерундой. Ты не представляешь, как всё на-
доело!

raduga (12:13 AM) :

:-) Издательство? А я в журнале по дизайну :-) Ты заканчивал что-то полиграфическое?

stas (12:16 AM) :

Это здорово! Я филолог по образованию. Издательство — это и работа, и хобби одновременно.

raduga (12:17 AM) :

:-) Как интересно! И что ты в своём хобби творишь :-)?

stas (12:18 AM) :

Издаю интересные книги интересных уфимцев, пытаюсь продвинуть их куда-нибудь к вам на Запад :) Пусть там знают, что и у нас есть литература.

raduga (12:19 AM) :

Это так интересно, я горжусь тобой! :-)

stas (12:19 AM) :

Родная моя, ты всё путаешь, это я могу гордиться тобой!

raduga (12:20 AM) :

Нет, и не сопротивляйся, я так себе, а ты такие интересные вещи рассказываешь :-) Уфа же очень старый город? да?

stas (12:23 AM) :

Да, старый. Я боюсь соврать, но 1574 или что-то в этом роде — год основания крепости на реке Белой. Скажи, а твои корни давно в Таллине?

raduga (12:26 AM) :

:)) Мне интересно знать, где ты жил, живёшь! А мой папа — моряк и попал туда с момента моего рождения :)... А так мои корни — Москва и Рига. :)) Твои дети живут там же? А ещё у тебя кто? девочка?

Вагант Св

stas (12:35 AM) :

Ох, радуга ты моя, о детях можно рассказывать отдельно. Твой-то как? Спит? Или всё ещё ревнует. У меня, кроме сына, есть девочка и девочка. Одна от первого брака, одна от второго. С той, что от первого, всё хорошо, я общаюсь. С той, что от второго, тоже хорошо, но её настраивают против меня. Это моя боль. Такие вот дела.

raduga (12:37 AM) :

:-) Нет, мой сын музыку слушает! Да, многожёнец ты мой :-)... 2 девочки и сын :-)... Любишь женщин? :-) А кто ж их не любит? :-[:-)

stas (12:39 AM) :

Да разве дело в женщинах, Марго? Если честно, то нет. Ищешь ведь родственную душу, а может, я не прав. Но не думай, что я ловелас, это было бы просто и обидно. Так сложилось.

raduga (12:41 AM) :

:-) Я пока ничего не думаю, мы ищем в этой жизни много чего!.. А то, что нам надо — это чтобы один флакон содержал многое, это да!!!

stas (12:42 AM) :

Ну, не расстраивай меня. Я думаю, что существуют идеалы только на небе. А знаешь, Марго, я подумал, как хорошо, что ты есть! Как хорошо, что есть люди, которые выдумали аську! Мне теперь жить хочется!

raduga (12:47 AM) :

:)) Почему ты раньше ею не пользовался?

stas (12:48 AM) :

Так, тебя же не было!

raduga (12:48 AM) :

Если ты регистрируешься в скайпе, мы могли бы в наушники точно также говорить, как по телефону. Голос мой — эротичный, как говорят :-)

stas (12:55 AM) :

Ты вся — эротика! Главное всё же в душе. Она мне созвучна.

raduga (01:13 AM) :

:-[Чудо заморссское!!!

stas (01:13 AM) :

Сама ты такая! Хоть бы выпила, что ли, грамульку!

raduga (01:15 AM) :

Я сижу и пью. :-)

stas (01:16 AM) :

Не увлекайся только! Иначе... А что иначе? Всё равно не увлекайся!

raduga (01:18 AM) :

:-) Я люблю приятные напитки! Вот картезианский ликёр¹², например. :-) А что вы разбежались? Ты пил? или любовница?

stas (01:21 AM) :

Я тебя не совсем понял. Хотя, вроде, понял. Нет, я не алкоголик. Любовниц стараюсь не заводить. Шутка. Надо понимать — нет. Просто взаимное непонимание. Так бывает.

raduga (01:23 AM) :

:-) Ты же живой человек, и браки просто так не распадаются :-) Извини, если обидела!

stas (01:31 AM) :

Марго, а как тебя зовут по-уменьшительному?

raduga (01:32 AM) :

:-) Мышка, Ритик, Муся:)))... подруги — Туся:)), дедушка — Маргоша, А мужчины всегда своё придут

¹² Известный «эликсир здоровья», который готовили монахи ордена картезианцев во французском монастыре Шартрёз. В состав ликёра входил специально завозимый из Магриба иссоп. Современный картезианский шартрёз имеет несколько разновидностей.

Вагант Св

мывают!! Ты же тоже своим женщинам не просто «пупсик» говорил? :-).

stas (01:33 AM) :

Маргоша — неплохо, привет твоему дедушке!

raduga (01:34 AM) :

Он уже умер... Своё, пожалуйста!

stas (01:35 AM) :

Извини, Маргош... Ромашка¹³, может быть?!

raduga (01:36 AM) :

:-X От слова РОМ? :))

stas (01:37 AM) :

Ну, не Машка же?

raduga (01:38 AM) :

[: - } Машей меня тоже звали... :-)

stas (01:39 AM) :

В принципе, ром всегда был связан с морем. А если серьёзно, то ты светлая такая же, солнечная и весёлая, как этот цветок!

raduga (01:40 AM) :

:-) Да, уж то, что я светлая, да! и море моё! :-)

stas (01:42 AM) :

Открыл твоё фото, смотрю на тебя...

raduga (01:44 AM) :

:-) И что ты видишь?

stas (01:47 AM) :

Знаешь, поскольку я увеличил фото, то нет хохотушки, в глазах твоих грусть. Как тебе удаётся бороться с самой собой? Ты, наверное, устала, ложись спать.

¹³ Ромашка – очень нежный полевой цветок, символ любви. Помните, как на ней гадают? Любит – не любит, плюнет – поцелует, к сердцу прижмёт – к чёрту пошлёт. Только вот не надо обрывать лепестки ромашкам. Им от этого больно.

Люби меня всегда

raduga (01:52 AM) :

Я не люблю спать, даже просто валяться, я люблю движение, я люблю быть всегда с улыбкой, но она натуральная, мне приятно, что люди радуются при встрече, даже с консьержкой мне надо перемолвиться хотя бы парой слов, люди же хотят и ждут любви и понимания, и я даю и получаю то же взамен.

raduga (01:55 AM) :

Я же сова, а у тебя уже ужассс как поздно. Ложись спать. Ок?

relaxing.

Сессия 2. Сбой при отправке сообщения

raduga (03:34 PM) :

:-[Приветтики! Кто пришёл? А я бегаю, ногти крашу :-)

:-)relaxing.

stas (05:37 PM) :

Привет, давно тебя не слышал. Как ты?

:-) **raduga** — Недоступен:ostavte soobsheniye i ok!!!!!!!!!!

raduga (05:37 PM) :

Я только что заглянула в ящик, спасибо за письма! А ромашки твои — прелесть... так нежно :-) Я поставлю фоном на мониторе!

stas (05:39 PM) :

Никак ещё не могу понять аську, все время врёт, что ты недоступна. Это в каком смысле недоступна? :-)

Я рад, что тебе понравилось!

raduga (05:40 PM) :

Ах, какие ромашки! Чудо ты! :)))))) Это значит, что я отошла, но писать мне можно! Что значит недоступна?

stas (05:53 PM) :

Вот это да! Обалдеть! Я схожу с ума! Это ты придумала? А где моя любимая картина «Марго-радуга»?

raduga (05:54 PM) :

:-) Я сочетала грацию тела и вазы. :-)

stas (05:55 PM) :

Я мало что смыслю в грациях вазы, но чисто интуитивно — это прекрасно! Марго, ты гений! Я просто начинаю совсем по другому к тебе относиться. ;-)

raduga (05:56 PM) :

JOKINGLY Даааааа?? А до этого как?.. Как к бабочке-бряк-бряк крылышками? :)))... :-)

stas (05:58 PM) :

Ну, нет, конечно... С большим трепетом и уважением! Потому что красоту создают только Боги, и изредка — Богини! :-X

raduga (05:58 PM) :

Ах, поросёнок!.. :-(Я же делаю интерьерные работы. :-) Хороший, я люблю твоими цветами.

stas (06:01 PM) :

Спасибо! А как это... такую девушку и в интерьер, она же живая?! 8-)

raduga (06:01 PM) :

Да, я живая, не игрушка!.. это просто фоторабота!!! Я потом пришлю тебе кое-что из таких работ: вазы, картины, свет.

stas (06:02 PM) :

А снимки ты сама делаешь?

raduga (06:03 PM) :

Нет, у меня фотохудожник! Вот он очень известный, у нас редко бывает, если только намечаются дорогие работы, а тут я решила себя увековечить :))))

Вагант Св

stas (06:04 PM) :

Ну, я боялся спросить... Неужели это ты? :-[

raduga (06:05 PM) :

:)))))) Очень толстая? О:-) У меня ещё терракотовый цвет! И ваза тоже моя! Она настоящая античная, досталась мне по наследству, и я берегу её, как ребёнок.

stas (06:07 PM) :

Марго, не испытывай меня. Я в шоке! Таких прекрасных не бывает!!! Преклоняю колени перед Вами, Богиня света и цвета!!! Ах, какая ваза-девочка! Ей что, больше тысячи лет?

raduga (06:07 PM) :

:)))) Ну, всё. Ты решил меня окончательно добить :) :-)

stas (06:09 PM) :

То есть это как? Ни в коем случае!!! Хочется жить только оттого, что ты есть!

raduga (06:09 PM) :

:)))... Смешной и хороший!!

stas (06:11 PM) :

Спасибо, смешная и милая! На самом-то деле это не просто комплименты. Я был в сильном депрессняке, а ты меня вытщила :-)

raduga (06:12 PM) :

:)) Я поняла это, я через экран порой ощущаю сильно!!! :-)

stas (06:14 PM) :

Ты умница! Расскажи, чем ты ещё занимаешься, когда не красишь ногти :-)

raduga (06:14 PM) :

:))) Дурашка!

stas (06:16 PM) :

:))))))

raduga (06:16 PM) :

:-) Люблю гулять с собакой, ролики люблю, люблю читать — очень рано это начала делать :-)... Музыка — это само собой, орган люблю, джассс, блюз... :-)
Театр!!! Друзей и камерность у камина :-) Люблю любить и быть любимой!

stas (06:19 PM) :

Кажется, я спросил глупость, ведь знал, что ты многосторонняя. Откуда столько времени на всё это? К сожалению, у меня много времени проходит в бессмысленной суете, в зарабатывании денег и т.п. Редко удаётся сосредоточиться на любимых занятиях.

raduga (06:20 PM) :

:-(Нет, ты что, какая глупость? Я просто перечислила, что люблю, но это же не значит, что с утра и до вечера я вся в «культуре» :))))))

stas (06:23 PM) :

Понятно, Марго. Слушай, я должен минут на двадцать пять отлучиться. Тут приятель зашёл, его опять фашисты побили. Счас отпою его водкой и обратно.

:-(**Сбой при отправке сообщения:** Понятно, Марго. Слушай, я должен минут на двадцать...

Сбой при отправке сообщения. Пожалуйста, повторите попытку позже. Если ошибка сохранится, пожалуйста, обратитесь в справочный центр службы ICQ на сайте icq.rambler.ru. Код ошибки 0703

stas (06:25 PM) :

У меня какая-то ошибка выскочила :-)

raduga (06:25 PM) :

:-(Это как? Я тоже скоро уеду... прогуляюсь! Что у тебя? Что такое?

Вагант Св

stas (06:27 PM) :

Ты меня слышишь? У меня почему-то ошибки. Я тебя вижу. Был сегодня на работе, узнал, что у меня отпуск ещё до 31 августа, купил билеты в Прагу.

raduga (06:29 PM) :

Какие ошибки?.. Здорово, отпуск большой!!! Отдохнётся! Я тебя слышу!

stas (06:30 PM) :

Наверное, хочется в тёплые края, у нас в этом году лето холодное.

raduga (06:30 PM) :

:-) В Чехии всегда жарко!!! Хорошо!

stas (06:32 PM) :

Я был однажды в Оломоуце и в Праге. Мне очень понравилось: люди доброжелательные, красиво, и всё дёшево.

raduga (06:33 PM) :

Да, там красивые места, и отношение уже давно очень хорошее! Я пошла одеваться, Стасик! :)) Будь молодчинкой!

stas (06:35 PM) :

Давай, счастливо тебе погулять!

raduga (06:35 PM) :

Всё у тебя будет хорошо, вот увидишь! :))))))

stas (06:36 PM) :

Спасибо! Пока!

raduga (06:36 PM) :

И ТЕБЕ!! Чаушкиииииииииии!

Сессия 3. Чай с пончиками

:-) **raduga — Нет на месте: я где то, я где то,.....:)))**

stas (01:58 AM) :

Марго, ты где?

raduga (01:58 AM) :

Я здесь :-(

stas (01:59 AM) :

Наконец-то, так долго ждал тебя, ждал и ждал, а ты появилась, когда у меня Интернет может отрубиться в любой момент :-(Как у тебя дела?

raduga (02:00 AM) :

Хорошо, мама ушла от меня только что. Ты почему-то утром ушёл

stas (02:06 AM) :

В воскресенье буду в Праге. Что тебе привезти, родная?

raduga (02:07 AM) :

:-) Как здорово! Считай, что я с тобой — в чемодане :-)... Себя привези и очень хорошее настроение, мне оно нравится :) Дотронься на Карловом мосту до позолоты и загадай за меня желание О:-) :-)¹⁴

stas (02:09 AM) :

:-) Наделаю фотографий и пришлю. Да, это хорошо. А можно узнать, какое?

raduga (02:10 AM) :

:-) Я думаю, ты почувствуешь :))

stas (02:10 AM) :

Я уже чувствую :-[

raduga (02:11 AM) :

:-) И хорошо.....!!! :-)

stas (02:17 AM) :

А утром был стук по аське, но когда я кинулся к компьютеру, было уже написано, что ты работаешь и просишь не мешать. Разве не так?

¹⁴ Всякий, кто хоть раз побывал на Карловом мосту, знает, что если прикоснуться рукой к статуе Святого Яна Непомуцкого и загадать желание, то оно обязательно сбудется.

Вагант Св

raduga (02:18 AM) :

:-) Да, но ты всё равно пиши, даже если не смогу ответить...:-(А то я чуть не плакала О:-)

stas (02:20 AM) :

Прости, пожалуйста! Просто я боюсь быть назойливым. Что-то ты уже слишком дорога мне, чтобы надоедать тебе.

raduga (02:21 AM) :

Ты мне нисколько не надоедаешь, и я же отдыхаю. :-[

stas (02:22 AM) :

Понятно. Еще раз прости!

raduga (02:22 AM) :

:-) А в Уфе открыли памятник Акмулле. :-)

stas (02:23 AM) :

Да ну! И откуда ты знаешь? Я ещё не слышал :-)
Хочешь, заварим чаю и попьём вместе?

raduga (02:24 AM) :

А потому что я слежу за твоей жизнью :-)... Да, мы попьём чай обязательно! О:-) :-)

stas (02:25 AM) :

Тогда бегу ставить чайник. Странно, но меня тоже стал интересовать Таллин. Лазаю по сайтам, смотрю картинки, пытаюсь представить улочки, по которым ты ходишь :-)

raduga (02:27 AM) :

:-) Какой ты умничка!!! Да, очень красивый город! Давай полазим вместе? :-)

stas (02:29 AM) :

Конечно, было бы здорово. А какое место в Таллине тебе больше всего нравится? Наверное, как и во всех европейских столицах, есть старый город?

raduga (02:30 AM) :

:-) Да, конечно, есть старый город! Вот он и зовётся ВЫШГОРОД... там здорово, когда-то там скакали

Люби меня всегда
рыцари и гуляли их прекрасные дамы! :)) :-) У моря
— знаменитый монастырь Святой Бригитты. Там
фильм ещё был снят — «Последняя реликвия»¹⁵ :-)

stas (02:32 AM) :

Здорово! Я поинтересуюсь. На тех картинках города, которые я видел, много округлых форм. Там действительно преобладают такие здания?

raduga (02:33 AM) :

:-[Ты имеешь ввиду башни?

stas (02:34 AM) :

Да, видимо, это башни. В общем-то, чай закипел. Присоединяйся. Правда, чай у меня сегодня не очень :-)

raduga (02:37 AM) :

Да, давай налей и попьём с пончиками :))))))... а я сегодня немного поспала, потому что встала в 5 утра, приезжали за мной, мне надо было по работе кое-что отвезти, вот. А собачка моя скучала, сынуля у папы :))))). Я очень хотела позагорать, хочется быть шоколадней :)), а потом чего-то поленилась :)... и заснула на час :(:-) я не люблю днём спать... время тратить... :-(А сегодня я пассивна :)))

stas (02:39 AM) :

Пончики — это здорово, моя бабушка пекла очень вкусные пончики. Ты же уже обгорела, наверное, совсем. :-) Днём надо спать, только немного, как Штирлиц¹⁶. Что значит пассивна? Ты меня пугаешь.

¹⁵ См. сноску 6.

¹⁶ Штирлиц — главный герой телесериала Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» (1973). Помнится, как голос за кадром Ефима Копеляна разъяснял: «Он спал глубоко и спокойно. Но ровно через двадцать минут он проснётся. Это тоже одна из привычек, выработанная годами».

Вагант Св

raduga (02:41 AM) :

:))))))... Я не умею обгорать, я мажусь кремом и за-гораю ровно. :)) А спать днём просто не люблю, нет привычки...

stas (02:41 AM) :

Если вдруг связь прервётся, то значит, кончились деньги. Не обижайся, просто я давно сижу в Интере-нете. Но, надеюсь, это случится не скоро. Ты же со-ва! Когда же ты спишь?

raduga (02:42 AM) :

Пассивна — значит не особо активно провела день!.. У меня по работе день не нормирован :)))))) Не вы-рубайся:-)

stas (02:44 AM) :

Я-то не вырублюсь. У меня тоже день не нормиро-ван. Кручусь с утра и до вечера.

raduga (02:50 AM) :

Душа моя!!! :-[

stas (02:53 AM) :

Спасибо тебе, родная! У меня ведь обязательства пе-ред людьми, которые со мной работают. А это зна-чит, что их надо обеспечивать зарплатой. А практи-чески вся хозяйственная и финансовая работа на мне. Фирма-то маленькая. Выматываюсь сильно. Чай вдвоём намного вкуснее! Пончики-то ещё остались?

raduga (02:54 AM) :

Я понимаю очень тебя, правда... слишком хорошо знаю всю эту бизнесс-кухню.

Я тебе приготовила море ... ПОНЧИКОВ!!!

— Но ведь мои пончики вкуснее! — девочка смотрела на меня с укором.

— С чего это ты взяла?

— Они же настоящие!

— Настоящие, говоришь? Знаешь что, ребёнок, а давай-ка попьём чаю с твоими настоящими пончиками!

Глава 6 Счастливчик

— Купите лотерею, мгновенный розыгрыш с ценными призами!

Я только что вернулся из Праги, поездка удалась, довольный брёл по городу и улыбался солнцу, неожиданно выскочившему после надоевшего дождя. Солнце улыбалось в ответ. Хотя нет, улыбалась уже девушка, протягивавшая мне сложенный цветной листочек.

— Возьмите билетик, я знаю, вам сегодня обязательно повезёт!

Хорошее настроение и улыбающаяся девушка позволили мне сделать глупость. Я-то точно знаю все уловки лохотронщиков. Но что мне, жалко каких-то пятидесяти рубликов?! Пусть и у других будет праздник, а я сейчас свободен, расслаблен, никуда не спешу. И я купил.

— Розыгрыш уже начался, это там, возле телецентра. Желаю удачи!

Конечно, надо было сразу же выбросить этот цветной листочек в ближайшую урну, но что-то меня удержало. Я повертел бумажку в руках и направился к площади у телецентра.

У передвижного ларька шло какое-то шоу с музыкой и ряжеными артистами. Немного помедлив, я подошёл к киоскёрше и протянул свой билетик.

Вагант Св

— Вы хоть сами-то знаете, что вы — счастливчик? — удивлённо спросила она и просверлила меня своими маленькими жгуче-тёмными глазками. — У вас большой приз, и ещё: вас разыскивает режиссёр, вы должны дать интервью нашему каналу.

— Ну уж нет! — отпарировал я. — Никому я ничего не должен, увольте... И где я могу получить свой приз?

Но киоскёрша уже меня не слушала, а названивала по телефону и что-то торопливо щебетала в трубку. Её рыжеватые длинные волосы растрепались и упали на лицо. Вы хоть что со мной делайте, но не люблю вот блондинок и рыжих, особенно крашенных! Я немного потоптался и отошёл к зонтикам выпить кружечку пива. Никакая блондинка не смогла бы испортить мне настроение, даже пиво показалось вкуснее обычного. Это после Праги-то?!

Я отпивал понемножку пиво и наблюдал за людьми. Люди оживлённо беседовали и делали то же, что и я, — расслаблялись. И только парень за соседним столиком был одинок и мрачен. На лице отчётливо вырисовывались боль, обида и разочарование, а напряжённое тело чуть раскачивалось вперёд-назад, вперёд-назад... Не могу уловить, как это получается, что одни люди сразу же вызывают расположение, а другие — неприязнь или безразличие. Этот-то мне сразу не понравился. Но когда у вас на душе праздник, разве вам не хочется, чтобы все вокруг были счастливы? И я продолжал делать глупости: подсел к нему и через некоторое время спросил, какого хрена он грустит в столь чудный день. В ответ он вытащил из кармана целую кучу мятых лотерейных билетиков. Я всё понял. Облапошили малого. Спустил кучу денег и теперь обижен на

Люби меня всегда
весь мир. Я заказал ещё пива: себе и парню. Мы молчали, да и говорить было, собственно, не о чем. Я уже собирался уходить, оставив недопитой кружку «Балтики», когда он вдруг заговорил.

— Понимаешь, я всегда был неудачником. А тут встретил девушку. Нравлюсь я ей. Пригласил в ресторан. Хотел выиграть побольше денег, а вот что получилось. Жить не хочется.

Он судорожно сглотнул и промычал ещё что-то, не менее гнусное. «Каким же, интересно, девушкам нравятся такие долбо.бы?» — подумалось мне. Стало противно от его всхлипываний. Однако я живо представил, как ухаживал когда-то за своей женой. А что, если бы и со мной произошло такое? Уходя, я протянул ему свой лотерейный билет и сказал:

— На, возьми! Я тоже купил билетик, ещё не проверял, может, на этот раз выиграешь. Давай, удачи!

Распрощавшись, я снова брёл беззаботно по улице и, улыбаясь, представлял, какое будет удивленное лицо у парня, когда он узнает о выигрыше, как он будет радостно рассказывать об этом своей девушке, сидя в уютном ресторанчике, попивая вечернее вино, и как девушка будет улыбаться ему в ответ.

Спиной, если не сказать задницей, я почувствовал, что меня догоняют. Ох, как не люблю, когда меня кто-то догоняет! Надо было свернуть, скрыться, раствориться в улице, но...

— Стой, стой! Ты выиграл! Смотри!

Господи! Этот урод был ещё и честным! Бывают же такие зануды! Вместо того, чтобы бежать к своей девушке, он ещё пристаёт к незнакомым прохожим.

Вагант Св

Я развернулся и с расстановкой сказал:

— Парень, не говори глупостей, выиграл ты. Так что давай, ещё раз удачи! Привет твоей девушке!

Он не унимался:

— Нет, так нельзя! Я даже не знаю, как тебя... вас зовут. А меня Серёжей!

С Серёжей знакомиться совсем не хотелось. Брала досада. Ведь шёл, никого не трогал, упивался своим благородством и чувствовал себя счастливым.

— Я в школе работаю, у нас сегодня встреча с учениками, и она придёт, я вас познакомлю, а потом (глаза у него блестели)... Что потом, я не дослушал.

— Спасибо, скажи, где и во сколько, я приду!

Я ещё надеялся от него отвертеться.

— Это вам спасибо, вы же мой спаситель! Только для получения приза нужны два свидетеля. Не хотите мне помочь? А потом ещё по пивку... за мой счёт!

Он хитро заулыбался. Я оценил самоиронию и купился.

— Ладно, пошли!

Такого дебилизма я никогда не видел: деньги (весьма неплохую сумму) выдавали тут же. Но при этом нужны были два свидетеля с паспортными данными. Уговорили ещё одного — деревенского лоха в мятом сером пиджаке — и покончили с формальностями. Рыжая киоскёрша удивлённо пялилась на меня, но молчала. Потом нас сфотографировали. «Вот этого не надо было, — подумалось ещё мне, — не дай бог, попадёт в прессу».

Долго пили пиво. Я ещё тот алкоголик, а этот сразу размяк. Про школу пришлось забыть (Не идти

Люби меня всегда же к детям до безобразия пьяными?), и встреча с девушкой становилась всё более нереальной. День был испорчен, так мне тогда казалось. Но кто мог предположить, что ждёт меня дальше? Уже темно, когда я, расспросив адрес, повёл его домой.

Дверь открыли такие же пьяные люди и с шумом-гамом затащили нас в довольно просторную квартиру. Народу было много. Начались поздравления. Этот идиот ещё и не всё сказал: у него был день рождения! Я стоял с дурацкой улыбкой на лице, а тот лепетал про спасителя своей девушке, показывая на меня, а она испуганно пыталась ему отвечать.

Мир рухнул. В глазах у меня потемнело. Я круто развернулся, выскочил в подъезд и бросился на улицу. Сердце колотило, словно барабан у какого-нибудь аборигена, и щемящая боль пронзала со спины насквозь. Я её сразу узнал, ещё до того, как переступил порог комнаты. Это была моя жена.

Никто за мной не вышел. Вобрав в себя побольше прохладного вечернего воздуха, я зашёл в ближайшую забегаловку и хлопнул стакан водки. Наступило полное оупение. Такого удара я не ожидал. Конечно, мы были в разводе, но нежность к ней и надежда на возвращение ещё не успели покинуть меня, а тёплые чувства только крепили от долгой разлуки. От водки никогда не становится легче. С горечью я снова и снова представлял любимый образ и родной взгляд ромашковых глаз. Родной и теперь уже чужой одновременно. Эх, любит — не любит, плюнет — поцелует... Как же всё противно!

Совсем стемнело, и ночное одиночество вновь погнало меня к окнам злополучной квартиры. Хмель и отчаяние сделали своё дело: хотелось, чтобы этим

Вагант Св

мерзавцам было так же плохо, как и мне. Я поднял обломок кирпича и швырнул им в окно. Кирпич не достиг цели, но глухой стук о стену привлёк внимание людей. Я поднял второй обломок и снова бросил. Гости стали выбегать из подъезда. Подбежал и Серёжа с криками: «Ты чего делаешь?» «Ты разбил моё сердце, — совершенно спокойно и, как мне показалось, по-деловому, ответил я. — Можно, и я у тебя чего-нибудь разобью?» Третий бросок оказался удачным — стёкла посыпались на асфальт совсем как пятаки у Достоевского — звеня и подпрыгивая. Народ закричал, раздалось обычное в таких случаях: «Милиция!» Быстрыми шагами я удалялся к соседней улочке, где было не так светло. Серёжа хватал меня за локти и жарко кричал: «Стой! погоди! Я на тебя не сержусь, давай разберёмся!» Я знал, что от таких типов ничего хорошего ожидать не приходится. Наверняка, уже вызвали милицию и теперь до её приезда пытаются меня задержать. Поэтому разбираться я не стал, вырвался из чужих рук и почему-то опять оказался у телецентра.

Несмотря на поздний вечер, местами шла ещё торговля, я уселся на лавке и стал обдумывать произошедшее. На душе было гадко. В этот момент подъехала милицейская машина, из неё вышли менты и стали опрашивать прохожих, демонстрируя какое-то фото. Я понял, что ищут меня, потому что рядом с ними шёл тот самый деревенский лох-свидетель в мятом пиджаке. Они прошли совсем рядом со мной и не узнали меня. А «лох» подмигнул как-то по-доброму и тоже прошёл мимо. Тогда я подошёл к одному из ментов, который казался старше возрастом, и тихо сказал: «Это я». Тот посмотрел на меня и улыбнулся: «А ты знаешь, что ты

Люби меня всегда счастливчик? Ты выиграл очень крупную сумму. Вот эта курноса сказала! — и показал на киоскёршу, болтавшую по телефону. — Ну, пошли!» «Только наручников не надо, — попросил я, — я никуда не сбегу». Он пожал плечами и, не оборачиваясь, пошёл к уазу. Я поплёлся следом.

В отделении лейтенант много курил и совершенно молча слушал мою историю. Я проникся к нему уважением. Если человек умеет слушать, значит, он ещё не потерян для общества, даже если он мент. «Ведь я же любил её, — задыхаясь от волнения и заново переживая произошедшее, повторял я, — и она это знала!» В ответ он молча сунул мне заявление потерпевшего. В нём говорилось, что я в нетрезвом состоянии долго приставал к законопослушному и добропорядочному гражданину Санкину Сергею Владимировичу, угрозами вымогал у него деньги, а когда ничего не получилось, стал бить стёкла в его доме. К заявлению была приписана куча свидетелей. И ещё раз мне так же неожиданно вlepили ниже пояса: её подпись стояла среди прочих. «Люди! Разве это возможно?! Ну нельзя же продавать так откровенно! — мысли мои совсем смешались. — Ну, разбил я это чёртово окно, но ведь за это не сажают!»

— Посадят, — успокоил меня лейтенант голосом федерального судьи. — У него солидные кровители.

«Что же теперь делать? — неслось у меня в голове. — Ведь никому нет дела до моих чувств, а скажут, мол, давно уже говорили ему, что пьянка до добра не доведёт. Вот, допрыгался!»

— Как же быть? — тихо спросил я. — Ведь вы же знаете, что всё, кроме окна, здесь неправда.

Вагант Св

— Если честно, ты... (лейтенант от души выматерился). Был бы трезвым, говорили бы с тобой по-хорошему. А сейчас полагается сдать тебя в вытрезвитель и только потом передать следователю. Просят же за таких говнюков!

Я ничего не понимал. Кто это интересно может за меня просить? Таких людей в ближайших шести-стах километрах у меня не было.

— Говорят, ты — счастливчик, но что-то не везёт тебе пока. Пытаюсь дозвониться до начальства, но бессмысленно. Сегодня пятница, и начальство, скорее всего, объявится лишь в понедельник. Выбирай, где заночуешь, — в обезьяннике или вытрезвителе? — усмехнулся мент.

Как же так? Вот это совсем не входило в мои планы. А девочка? Она же с ума сойдёт. Я молчал, молчал и мент, долго крутя диск древнего телефона. Наконец он до кого-то дозвонился, вежливо с кем-то переговорил и обернулся ко мне. Я приготовился выслушать «приговор».

— Значит, так. Во-первых, Серёжу этого пошлём на... Нашлись люди, которые видели, как ты выиграл в лотерею. Таким образом, версия о вымогательстве неправдоподобна. Во-вторых, окно ты разбил не Серёже, а его соседу; тот, конечно, сердится, но его устроит, если ремонт будет оплачен. Вот его телефон и адрес. И, в-третьих, в вытрезвитель ты тоже не едешь, потому что один человек, — лейтенант посмотрел на меня и хитро улыбнулся, — обещает довести тебя до самого твоего дома в лучшем виде и без всяких эксцессов.

Я обернулся: в дверь вошла рыжая киоскёрша с пронзительно жгучими глазами. Честное слово, та-

Люби меня всегда
кие глаза бывают только у брюнеток! Она довольно
рассмеялась:

— Ну, что? Пошли, счастливчик, я беру тебя на
поруки!

Не верьте глазам женщин, порой они так об-
манчивы.

Глава 7 Рыжая

Что я увидел в глазах киоскёрши? Что видел в
глазах других женщин, временами скрашивавших
моё одиночество? Видел доброту и радость, тоску и
печаль. А вот у жены моей были глаза бегающие, и
я никогда не мог уловить её взгляда. В них были
беспокойство и неуверенность. Я даже не сразу по-
нял, какого они у неё цвета. После нескольких лет
совместных мучений в попытках найти хоть какое-
то взаимопонимание бегать они перестали и стали
зелёными. Зелёный цвет — это, конечно, не ромаш-
ковый, есть в нём что-то змеиное, но я смирился.

Девочка ревновала сильно, и с этим ничего
нельзя было поделать. Ведь до сих пор только она
имела право заботиться обо мне. А теперь появи-
лась Рыжая. Так она её называла.

Рыжая приходила часто, хотя я и пригласил-то
её лишь однажды, приносила продукты, готовила
вкусные блюда, и мы ужинали вместе, затем валя-
лись на диване, смотрели телевизор или слушали

Вагант Св

музыку. Я рассказывал ей о «Битлах» и говорил о том, что люди сами определяют значимость тех или иных вещей, придавая им значительность и создавая этим самым ценности. Вот, например, людям нравятся блестящие и редкие предметы, блестящие камни, в частности. Когда-то, познав красоту алмазов, они стали бороться за право обладания ими и наделили камни сверхъестественными способностями. Люди верят, что алмаз защищает своего владельца от недоброжелателей, ограждает от бед и смерти, предвещает смелым победу. Алмаз — символ совершенства, силы и власти, твёрдости и негнелности. Так же и «Битлы» — они были единственными и блестящими, и люди боготворили их.

— Послушай внимательно песни «Битлз», — говорил я, — они просты и незатейливы, но меломаны вкладывают в их незамысловатые строчки более глубокое содержание и, как огранщики алмазов, создают всё новые и новые блестящие грани, которыми можно восхищаться бесконечно.

— Значит, по-твоему, чтобы меня оценили по достоинству, мне надобно заблестеть, — хохотала Рыжая, — ведь редкости во мне хоть отбавляй!

Что меня привлекало в ней, я не знаю. Может быть, её привязанность ко мне и всё. Я и сейчас понимаю, что никогда не любил её, хотя и испытывал много нежности к этому чудаковатому существу. Улыбка её была некрасивой, хотя и обаятельной. Она была невысокой, и поэтому небольшой животик смешно округлял фигуру. Она незаметно прихрамывала — одна нога её, левая, была чуть короче другой — и этого стеснялась. Почему-то тогда я не обращал никакого внимания на её дефекты. Только потом, когда она начала меня раздражать своей на-

Люби меня всегда

зойливостью, все эти недостатки стали выпячиваться и мешали мне воспринимать Рыжую серьезно. Так уж противно устроен человек. Однажды, правда, она меня удивила. Я был в стрессовом состоянии и сильно обидел её грубыми словами и подчёркнутым невниманием. И вдруг она заплакала. Губы её дрожали от волнения и обиды, и говорила она что-то быстро, судорожно картавя слова и заикаясь. Я был ошарашен. Женские слёзы давно не трогали меня, но Рыжая была так смешна в своей обиде, что я успокоился и засмеялся. Я гладил её по щекам, и какое-то тёплое забытое чувство неторопливо вползало в мою зашторенную душу, пробуждая нежность и ласку.

Она так и не бросила меня, как я ни старался. Поначалу мне не нравился её запах, зато нравилось смотреть на то, как она ест. Почему я акцентирую на этом внимание, да потому что имел опыт общения с девушкой, в которой мне нравилось всё, кроме того, как она ест. Я пережил только одно свидание с ней, этого мне было достаточно, для того чтобы больше уже никогда не стучаться в её дверь. Она чавкала. Нет, не просто чавкала, а чавкала громко, выпятив губы, получая нескончаемое наслаждение от пережёвывания пищи. Тьфу, блин! И сейчас противно вспоминать это. Меня тогда не вырвало, но есть рядом с ней я уже не мог.

В детстве, хотя и редко, я общался с дворовой компанией, где считалось неприличным и стыдным есть медленно. Если мы добывали сообща пропитание, то делили его на всех поровну и быстро съедали. Еды, конечно, не хватало, и если кто-то начинал смаковать пищу, то остальным приходилось наблюдать этот неторопливый процесс, сопровождаемый

Вагант Св

обильным слюноотделением всех присутствующих, так что не умевший нормально есть вызывал всеобщий гнев и презрение. Помню, однажды, наворовав пустых бутылок со склада магазина, мы сдали их в буфет местной столовой и на вырученные деньги купили шербет, который назывался «поленом» из-за своей продолговатой формы. Каждому достались небольшие куски, которые исчезли очень быстро. И только Юрик не выдержал испытания удовольствием и обсасывал свой кусочек шербета, не желая прерывать удовольствие. Мы с Калюлей посмотрели друг на друга в недоумении и решили, что такое поведение сродни предательству. «Больше мы с Юриком не играем», — заявили мы своим друзьям, и нас поняли.

Я покупал своей Рыжей экзотические фрукты и задумчиво смотрел на их поглощение, вспоминая своё детство. В моём счастливом советском детстве не было фруктов, их просто не завозили в пригородный посёлок, где мы жили. Только однажды родители продали на городском рынке урожай картофеля и купили всякой всячины, в том числе и тарелку фруктов — яблоко, грушу, виноград и сливы. Себе они не могли позволить такое, а только сидели рядом со мной и смотрели, как я ем фрукты, и радовались за меня. Так и я сидел и всё смотрел на мою Рыжую.

Конечно, страдала девочка. Ведь я перестал звать её в гости. Наверное, она обижалась, но виду не подавала. Конечно, страдала Рыжая, потому как я прогонял её, если знал, что должна появиться девочка, иначе бы ребёнок ревновал сильно. Я пытался оградить её от этих переживаний. Конечно, стра-

Люби меня всегда
дал я, потому что разрывался между девочкой и Рыжей и надо было делать выбор.

Чтобы ни о чём не думать, я начал пить. Это встревожило девочку и совсем не понравилось Рыжей. «Ага! — подумал я. — Может, ты поймёшь, что я пьяница, и наконец-то бросишь меня». Но Рыжая держалась за меня стойко, лишь временами по ночам плакала.

— Она не уходит, — бросил я раздражённо Калюле. — Прилепилась ко мне и всё, сушите вёсла. Давай ещё по одной!

Мы чокнулись. Водка неторопливо обволокла желудок, тепло разлилось по телу, а мозги затуманивались настолько быстро, насколько быстро опустошалась бутылка «Мягкова».

— С женщины снимаешь трусы лишь раз, а потом она это делает самостоятельно, — цинично заметил Калюля, явно намекая на то, что я сам создал себе проблему.

— Возьми, к примеру, меня. Вот я — законченный алкоголик, но не хочу сидеть здесь в твоём сраном ночном баре. Меня гнетёт мрак с самого детства, мне хочется к солнцу, которого так всегда не хватало в моей жизни. Может быть, поэтому мне так и не удалось вырасти! — он зарыдал, налил себе ещё водки и весьма артистично выплеснул её в себя. — Ты пойми, тебе пора уже выбираться из этого подвала, иди к своей Рыжей бл.ди, потому что она и есть твоё солнце! А моё солнце я завоюю себе сам или погибну в борьбе, как Че Гевара. Я, может быть, неграм сочувствую, потому что сам такой же

Вагант Св

негр, забитый и задавленный. Потому что это моей коже не хватает свободного солнца Африки. Доколе мне существовать в мрачном гетто?!

Калюлю несло, я давно его не помнил столь велеречивым и на всякий случай добавил ему ещё водки. Авось, успокоится.

— Хотя негры Америки в конце концов, после ликвидации рабства, получили свободу, но они и сейчас подвергаются дискриминации, их элементарные права ограничены до предела. Во многих штатах Америки дети негров не могут учиться в школах вместе с белыми. Негров не пускают в гостиныцы, где проживают белые, не пускают в театры, рестораны. Вот вам подлинное лицо «цивилизации», которой кичатся империалистические колониальные державы! Вот вам и цивилизация!¹⁷

— Ты не одинок в любви к неграм, — заметил я, — вот в нашем городе все памятники перекрасили в чёрный цвет, и смотрят теперь на нас дружелюбно не только негр Пушкин, но и негр Карл Маркс и негр Маяковский. С первым-то всё понятно, как был негром, так негром и остался, Карлу Марксу так и надо, довыпендривался, значит, а Маяковского за что? Ведь был он серебряным и этим вызывал ассоциации с серебряным веком русской поэзии?

— Много ты понимаешь в Маяковском, — откликнулся Калюля. — Маяковский и был настоящим негром, вкалывал, как негр на плантации, на полях социалистической литературы и, кстати, светил, как солнце!

¹⁷ Цитата из знаменитой речи Н.С. Хрущёва на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 12 октября 1960 г.

Люби меня всегда

Я тоже уже надрался, и Калюлины рассуждения стали меня раздражать:

— А пошёл ты со своими метафорами знаешь куда!

— Куда?

— Пошёл ты к неграм!

Когда я открыл глаза, девочка сидела рядом на моей постели и с укором смотрела на меня. Голова разваливалась.

— Нет ли у нас в холодильнике пива? — с надеждой спросил я, прекрасно понимая, что его там быть не может.

Она не ответила, только молча собралась и вышла. К удивлению моему, вернулась быстро и с пивом. Мне стало стыдно, но надо было как-то выкарабкаться, и я прильнул к банке. На некоторое время наступило оцепенение. Я ждал. Ждал, когда вчерашний груз спирта потихонечку схлынет, и начнётся возрождение — возвращение к жизни. Эти моменты я всегда ценил, поскольку в них остро чувствовалась потребность доказать всему огромному миру, смотрящему на тебя как на никчемность, как на дохлого подонка, что ты многого стоишь, и просыпалось вдохновение творить.

— Ты сам-то помнишь, что натворил вчера? — спросила девочка, выжидающе глядя мне в глаза.

— Нет, — ответил я вяло и прикрыл веки, — не надо, не сообщай мне, мне так спокойней.

Она покачала головой, принесла горячее полотенце и укрыла им уши, виски, лоб и переносицу. Так я обычно расширяю сосуды, для того чтобы

Вагант Св

унять головную боль. Средство подействовало и на этот раз. Я улыбнулся и, сказав девочке: «Спасибо, спасительница!», — спокойно заснул.

Когда засыпаешь, веришь, что приснится только хорошее, и знаешь, что утром всё будет намного лучше, чем сегодня.

Глава 8 Зелёные глаза

Пробуждение моё было не из весёлых. Меня разбудили громкий стук в дверь и тревожные возгласы девочки. Не успел я продрать глаза, как меня грубо подняли и стали трясти. Совсем ничего не соображая, я тупо смотрел на ввалившихся в комнату ментов, особенно на того, что был напротив меня. Кого-то он мне напоминал. Он о чём-то резко спрашивал, но я не слышал о чём, а потом я спросил сам:

— Ты что, Санкин?

Мент смутился:

— Разве мы знакомы?

— А как же, с самого детства!

Растерявшийся Санкин уже по-доброму разъяснил мне суть проблемы. Оказывается, после пьянки с Калюлей я завалился к жене мириться — бывают такие светлые желания у пьяных людей. И пригласил её и гостившую тёщу в ресторан повеселиться, угощал их там текилой и пивом, да и сам наугощался от души. И всё бы хорошо, если б праздник не продолжился дома, где к нам присоединились ещё две родственницы. Веселье длилось до тех пор, по-

Люби меня всегда
ка мне всё не надоело и пока по давней своей привычке я не послал сотрапезников в отдалённое место, заявив, что всех их ненавижу. Это не понравилось родственникам, они, лупя меня подвернувшись под руку предметами, прогнали спать. Наверное, этого было достаточно, но тёща вызвала милицию и написала на меня заявление.

Мне предложили выйти и сесть в уазик, что я и сделал, радостно соображая, что тёща совершила не самый благовидный поступок. И сидеть бы мне в кутузке, да моя девочка подняла тревогу, вызвала жену и попросила соседей за меня вступиться. Жена долго беседовала с ментами, потом сунула им две тысячи рублей, и нас оставили в покое. «Надо же, как низко меня ценят менты, — подумалось мне. — Сомалийские пираты запросили бы гораздо больше»¹⁸. С тех пор тёщи я больше не видел, а с женой мириться уже не имело никакого смысла.

— Ты должен бросить пить, — твёрдо сказала мне девочка.

Я обещал.

Пришла Рыжая, и я долго читал ей лучшие места из Венедикта Ерофеева, пока она не уснула. История Венички её совсем не тронула. Я дочитал до конца, укрыл Рыжую одеялом и пошёл за пивом, позабыв про обещание, данное девочке. «Это в по-

¹⁸ Комментарий для следующих поколений читателей: в 2008–2009 гг. сомалийские пираты задолбали всё мировое сообщество. Кажется, ни одного дня не обошлось без сообщений о новых нападениях, захватах кораблей и требованиях выкупа. Чем всё это закончится, одному Богу известно.

Вагант Св

следний раз, — обманывал я себя, — просто чтобы не болеть».

Заснул я только под утро, ещё несколько раз сбегав за очередной порцией «лекарства».

— Как же там девочка? — вспомнил я, проснувшись. — Ведь она ушла ночью.

— Если с ней что-нибудь случится, я тебе этого никогда не прощу, — сказал я зло Рыжей, беспечно готовившей завтрак на кухне и напевавшей тихую песню. — Из-за тебя я не могу спокойно общаться со своими детьми, они уже совсем перестали приходить ко мне.

Она ничего не ответила, но пение прекратилось. Наверное, ей было неприятно, и я пожалел её. Подойдя, обнял и извинился:

— Ну, что теперь делать, если я тебе нужен. Только я никак не пойму, за что и почему я заслужил такое внимание к своей персоне?

Она поцеловала меня и, отвернувшись, продолжила готовить завтрак, а я, словно побитый пёс, поплёлся в комнату, залез в Интернет и стал отвечать на письма. Я бил по клавишам и представлял, как обнимаю свою девочку и она улыбается мне радостно. Так я делаю всегда, когда хочу защитить своих близких от опасностей, которые могут им угрожать. Я верю, что если мысленно обниму их и представлю свою встречу с ними, то и со мной, и с ними ничего не случится, потому что эта встреча должна ещё состояться в будущем. Например, если летишь в самолёте, нельзя думать об авиакатастрофе, надо думать только о детях, о том, как они бу-

Люби меня всегда
дуют рады увидеть тебя живым и здоровым. Я часто мысленно обнимаю своих детей, и поэтому с ними ничего не случается. Попробуйте и вы так. Я знаю, что и у вас получится.

Я вырос в настоящей семье, и благодарен за это своим родителям. Только сам вот крепкую семью создать не смог, и поэтому чувство вины перед детьми никогда не покидало меня. Я лез из кожи вон, лишь бы дети не чувствовали своей оторванности от меня. Наверное, это мне плохо удавалось. Вторую жену не устраивали мои комплексы. И, видимо, не без подсказки матери, она стала требовать, чтобы я сделал выбор: или она, или дети. Дошло до того, что она стала орать на меня, если я звонил при ней детям. В моей семье на мужчин никогда не орали. Разве можно было стерпеть такое? Теперь я старался тайно общаться с детьми, и от этого стрессы нарастали с каждым днём, и сердце моё не выдерживало — начинало ныть, и тогда я попробовал залить всё спиртом. Поначалу помогло. Но и жена была не прочь погулять с подругами, и скандалы от всего этого не только не утихали, но становились всё продолжительнее и продолжительнее. Иногда в комнате стоял такой ор, что я был готов убить или жену, или себя. И всё это происходило на глазах маленькой дочки. Господи! Как хорошо, что я ушёл из того дома. Добром бы это не кончилось.

А как же началось-то всё? И началось тоже плохо. Откуда взялась эта сумасшедшая страсть по бегущим глазам? Зачем я звал её и столько ждал? Я ждал её целую вечность, и мне казалось, что в

Вагант Св

прошлой далёкой жизни мы с ней встречались, но злая судьба разлучила нас. Даже картинка из прошлого-прошлого всплыла в моей голове: было темно, она стояла в длинном светлом платье, прислонившись к дубу и отвернувшись, сильный ветер развеивал её волосы; я с мечом в руке покидал её, долг влѣк меня куда-то, а она, обиженная, так и не захотела со мной проститься.

Потом она словно мстила мне за эту нечаянную разлуку, случившуюся ещё в глухом средневековье, и всегда врала мне. Врала таким образом, чтобы я понимал, что она врѣт. Я бесился, и это доставляло ей наслаждение.

Столько лет я хранил в своих архивах все листочки, напоминавшие о ней: её письма ко мне, рабочие тетради, какие-то документы, выписки, записи её голоса и, конечно же, фотографии. Она же разорвала и выбросила мои снимки. Особенно мне было жалко то фото, где она обнимала меня сзади и счастливо улыбалась в камеру.

«Что ж, пора и мне освободиться от груза прошлого и почистить свои архивы», — подумал я и стал разгребать бумаги. Первое же письмо оказалось моим, написанным в дни разлуки с женой, уехавшей на север к матери сразу же после нашей свадьбы, и я стал читать его. Написано оно было в форме рассказа с названием «И снова как прежде...» и даже с эпитафией, который я здесь снимаю за неуместностью. Вот оно.

Почему-то люди, к которым я очень хорошо отношусь, всегда предают меня. Легко. Без проблем. Как будто так и надо. Так было с покойной В., моей сослуживицей, которую я боготворил как

Люби меня всегда самого замечательного педагога старой закваски и которая ни с того ни с сего вдруг разнесла грязь обо мне по всему городу, так и сегодня с нашей кафедралкой Г., которая вдруг начала катить на меня бочку и доносить на меня начальству. Неприятно. Раньше бы я сильно переживал и нервничал, а сейчас «мне всё по фиг», как поётся в песенке современной ленинградской группы, так как совсем недавно я пережил самый великолепный месяц своей жизни и где-то далеко, «на севере диком» ждёшь меня ты.

Вот уже семь вечера. Мы обычно созванивались в это время, но сегодня ты сказала: «Зачем так быстро, мы же только что поговорили, давай лучше в десять». И я согласился. Я часто соглашаюсь с тобой. Потому что люблю. Потому что хочу, чтобы было так, как тебе удобнее. Я-то всегда подстроюсь.

Как же я по тебе скучаю! Но ничего-ничего. Подумаешь, каких-то три часа... Зато потом я буду улыбаться как ненормальный, слушая твой голос, радуясь своему счастью. «Привет, роднюшка!» — скажу я тебе, и ты улыбнёшься мне в ответ. Господи, как долго идёт время! В эти три часа, к примеру, можно сесть за компьютер и составить рабочую программу, которую с меня уже давно требуют на кафедре. Но разве сейчас я могу думать о таких мелочах, как программы? К встрече надо подготовить своё сердце — кажется, так у француза Экзюпери. Стучатся в дверь. Это братишка, но я сейчас никого не могу видеть, не хочу, чтобы мне мешали. Ведь я жду тебя. «Мне некогда, — бормочу я недовольно, — нужно дописать программу, не успеваю». Братишка уходит с винова-

Вагант Св

тым видом, а я бросаюсь на диван и, схватив часы, жадно смотрю на стрелку. Но что это я? Я же ещё не решил, о чём тебе буду рассказывать! Время телефонного разговора пролетает мгновенно, нужно успеть сказать всё самое важное. Лихорадочно соображаю, а стрелки, хоть и медленно, но движутся. Надо уже положить телефон рядышком: вдруг ты позвонишь раньше. И да, нужно вытянуть антенну: связь такая капризная!

Вот уже остаётся три минуты. Интересно, что ты делаешь сейчас? Наверное, тоже смотришь на часы и вот сейчас уже начнёшь набирать номер. Стрелка переваливает долгожданную отметку — звонка всё нет. Конечно же, дозваниваться так сложно, я сам, бывает, звоню по несколько часов подряд, прежде чем телефон отзовётся. Господи! Да не надо же так нервничать! Вот сейчас она дозвонится, вот сейчас... Проходит двадцать минут. Надо ещё потерпеть, иначе получится так, что мы будем звонить одновременно и не дозвонимся. Но вот уже больше получаса. Да, ты уже устала и ждёшь, пока я соображу это и позвоню сам. Набираю номер — короткие, ещё раз — короткие, ещё и ещё... Наконец — удача! Мне удалось пробиться через кучу чужих звонков, и сейчас я тебя услышу. Как бьётся сердце! «Ну, что, моя? Ничего не получается?» — спрошу я тебя, а ты будешь расстроена и ответишь тихо-тихо. Длинные гудки, долго-долго длинные гудки. Сердце упало, провалилось куда-то. Как же так?! Ведь должен быть кто-то дома... А может... может, гудки идут, а до телефона твоего не доходят? «Вроде бы, было однажды такое», — успокаиваю сам себя и звоню. Звоню снова и снова.

Люби меня всегда

Вот уже одиннадцать, ты, наверняка, огорчилась, однако легла спать: завтра очень рано вставать. Но ты же простишь, если я дозвонюсь и разбужу тебя? Обрадуешься. Вместе посетуем на плохую связь, а потом, успокоившись, заснём, словно рядом друг с другом. Половина двенадцатого, и — надо же! — берут трубку. Это твоя сестра. Голос её сначала недовольный (видимо, разбудил), а потом она произносит очень быстро: «А её нет!» — так, я думаю, врачи произносят смертный приговор своим пациентам. Господи! За что ты меня так?! Господи! Ну, за что?! Всё во мне оборвалось, стало пусто и безнадёжно. «А где она?» — «У тёти Любы». Ночью? У тёти Любы? Да ещё с ночевьём? Это моя жена-то? Да она не может без привычных удобств. Нужно очень захотеть, чтобы она ни с того ни с сего там осталась! «Что же она мне ничего не сказала?» — спросил я и голоса своего не услышал. «Да ей неожиданно позвонили». Разговор прервался. Судя по тому, как торопливо говорила твоя сестрёнка, я понял, что она врёт. Если бы я, к примеру, неожиданно позвонил тебе, вряд ли бы ты променяла ванну и постель на прогулку по морозному городу. Интересно, а ребёнок остался дома или с тобой? Увы, всё повторяется. Ты заранее готовилась куда-то пойти и поэтому перенесла время телефонного разговора. Может быть, рассчитывала вернуться к этому времени. А там, куда ты пошла, конечно же, пили. Если бы ты была у тёти Любы, то позвонила бы мне от неё.

Так уже было много раз. Ты мне врала. А я звонил и звонил. Иногда отыскивал в чужих домах. А ты врала мне снова и снова. Но, Господи, теперь-то зачем?! Теперь, когда казалось, что всё плохое

Вагант Св

уже позади. Господи! Зачем ты со мной так?! Зачем? Мне же... Я же любил её, Господи...

P.S. Ты позвонила мне в час тридцать три ночи. Пьяная. И снова врала.

P.P.S. А если не врала? Да ведь продала же, променяла... На кого? На что?

P.P.P.S. И как жить дальше, если любимый человек тобой просто пренебрегает?.. Как жить, если некого больше ждать?

Я ещё раз перечитал это душещипательное письмо, написанное шесть лет назад. Сколько жизни я потратил в борьбе за любовь, существовавшую только в моём воображении! Теперь я уже несколько в возрасте и точно знаю, что жена — это женщина, которая тебя ждёт, и дом твой только там, где тебя ждёт жена.

Глава 9 Война с Грузией

Раздался звонок в дверь, и я пошёл открывать. На пороге стоял мент Санкин с бутылкой водки в руках:

— Знаешь, всю ночь перебирал школьные фотографии, но так и не смог тебя вспомнить. Я бы хотел выпить с тобой.

— Раз хотел — наливай, — небрежно ответил я, пропуская его в прихожую. — Рюмки и закуска на кухне.

После изрядной дозы я на время отключился, а когда включился снова, Санкин, связанный, валялся на полу, а над ним с угрюмыми лицами стояли Гитлер и Калюля.

— Вы что, ребята, совсем уже охренели? Связываете моего гостя? — я был вне себя от ярости. — Развяжите его немедленно!

— Не можем, это наша миссия, — мрачно отозвался Гитлер.

— Разве ты его не узнал? Это же Саакашвили! Предатель! — метнул гневный взгляд на меня Калюля.

— А мне плевать, по законам восточного гостеприимства он находится под моей защитой!

— Вот из-за таких, как ты, и происходят все социальные катаклизмы на планете, — презрительно ухмыльнулся Гитлер. — Тебе жаль эту крысу?

— Эту крысу Россия уже наказала, хватит с него.

— Да обосралась твоя Россия перед всем мировым сообществом. Погубить столько народу и не добить крысу! Она ж потом расплодится и будет не только слегка покусывать, но и влезет всей стаей в твой дом и будет нагло бегать по всем твоим членам, а ты будешь лежать, боясь пошевелиться. Помни мои слова!

— Да мы всему миру показали нашу решительность и военную мощь! Разве ж этого мало?

— В чём мощь? Очнись! В том, что позволили стереть с лица земли осетинские селения вместо того, чтобы их защитить? В том, что бросили в бой танки и войска с призывниками вместо спецназа? В том, что не смогли подавить радиоэфир противника и позволили американским корректировщикам с

Вагант Св

помощью спутника сжигать эти танки? В том, что раздали населению горы оружия, а потом его никто не собрал? Я уже не говорю про информационную войну, с которой и так всё понятно. Но раз уже начали действовать через задний проход, так надо было дойти до переднего: надо было прибить этого мерзавца, разбить, нах.р, натовских прихлебателей, а самих натовцев предъявить мировому сообществу пленёнными или в виде разлагающихся трупов. А вместо этого показали, как умеют летать ваши дальние ракеты в противоположную Грузии сторону и как один корабль может добраться до Венесуэлы, а потом стали ждать, пока подойдут американские эскадры и лишат возможности предпринимать что-либо.

— Во дворе был большой камень, пойдём придавим эту сволочь, — предложил Калюля, и они потащили беспомощного Саакашвили к двери.

— Пойдите, ребята, — смирился я. — Давайте по-цивилизованному, что ли. Вот, возьмите лучше пистолет.

Через несколько минут они вернулись в ярости и набросились на меня.

— Ты что нам подсунул? Это же обыкновенная воздушка. Я выстрелил ему в задницу, а он убежал, — негодовал Калюля.

Я добродушно расхохотался:

— Да пусть себе бегает с шариком в жопе! Жалко вам, что ли?

Успокоившись, мы молча выпили, и я спросил:

— А теперь вы куда?

Люби меня всегда

— В Найроби¹⁹, — задумчиво произнёс Калюля, — что-то там опять неспокойно.

— Это в Африку, что ли? А как же планы с Америкой и её неграми?

— Успеется, — отмахнулся Калюля. — Всему своё время!

Глава 10 Последняя реликвия

Синоптики на сегодня обещали дождь. А его всё нет и нет. Но ведь раз пообещали, то надо было его вызвать. Шаманы неделями вызывают дождь. Неделями может любой дурак. Он и сам пойдёт. Вызывать дождь неделями — то же, что больного лечить на авось. Если выздоровел — лечение помогло, если нет — болезнь была слишком запущена. Я вызываю дождь мгновенно. Потому что знаю, как. Потому что во всём надо быть профессионалом.

Но сегодня я дождь вызывать не буду. Мне некогда. Сегодня я приглашён на съезд партии, который проходит на открытом стадионе при стечении массы народа.

Сильно болела голова. Боль охватывала виски, пробиралась к глубинам мозга и сдавливала его так, что я с трудом понимал, что творилось на сборе, где мне предложили роль эксперта. Я мог думать

¹⁹ Калюля собирается в Кению. Для справки: отец Барака Обамы по происхождению кениец.

Вагант Св

только о своём похмельном состоянии и о том, как бы его снять.

С трибуны нёс галиматью священник в рясе, лицом напоминавший актёра Ролана Быкова:

— Святая Бригитта завещала сердцу нашему святую реликвию — символ чистоты и незыблемости веры нашей. Теперь, когда реформаторы — эти еретики-отступники — привели мир христианский к краю пропасти, когда процветает разврат, когда крестьяне, забывши Бога, поднимают руку на господ своих, теперь мы должны стать самой надёжной опорой святого учения в этих краях. И да будет наше усердие неистошимым!²⁰

— Святая реликвия сотворит чудо, и мы узрим его! — поддержали выступающего из толпы.

— Только мы можем быть хранителями и защитниками святой реликвии, — добавила дама в белом, восседавшая на троне.

Торжественно на носилках вынесли ларец, и все присутствующие опустились перед ним на колени. Величественным шагом священник подошёл к ларцу и откинул крышку. Притихшая толпа лицезрела недоумение и растерянность, отразившиеся на его лице. Вмиг дрожащими от волнения руками он извлёк из довольно объёмистого ларца небольшую бутылку с тёмной жидкостью.

Всеобщее оцепенение длилось недолго. «Позовите эксперта», — нетерпеливо выкрикнула дама в белом, и меня вытолкали из толпы. Я подошёл, взял бутылку из рук обалдевшего Ролана и распечатал её. В нос ударил спиртной запах настоявшегося иссопа. Ну, конечно же, это был шартрёз — «эликсир долголетия», любимый ликёр картезианских мона-

²⁰ Здесь и далее – цитаты из фильма «Последняя реликвия».

Люби меня всегда хов. Медленно, не веря своему счастью, я выпил его прямо из горлышка глоток за глотком при полном молчании толпы. Затем облегчённо выдохнул и пошёл к выходу.

Святая реликвия спасла меня. Мне сразу же полегчало. Но толпа, недовольно загудев, угрожающе двинулась за мной. И тогда я развернулся и громко хлопнул в ладоши. Раздался гром, и яркая молния врезалась между мной и толпой, осветив искажённые яростью лица. «Он святой, он святой», — пронеслось по толпе, и все бросились ниц. Я развернулся и ушёл, оставив толпу под стеною ливня.

Эпилог

Зазвонил телефон. Это была Маргоша:

— Что за день сегодня? Утром чёрная кошка перебежала дорогу. Вернулась домой, оказалось, что треснула моя любимая ваза. Посмотри, что творится! Негра выбрали президентом Америки!

Я включил телевизор, и на фоне ликующей толпы увидел радостную бородатую рожу Калюли, а на заднем плане мелькал крысиный оскал Гитлера.

Я выключил телевизор и распахнул шторы: яркие лучи солнца ворвались в комнату, чуть не сбив меня с ног. Я снял очки — и мир стал ещё ярче и краше.

— Надо жить, — подумал я. Взял с полки книгу Мураками и пошёл в сквер.

Едва я пристроился на скамейке и раскрыл книгу, как откуда-то сверху спустился знакомый паук. В прошлый раз я не убил его, и сейчас не стал убивать, хотя и понял, что означает его появление.

Вагант Св

«Судьбу изменить невозможно, но можно предотвратить отрицательные последствия её неожиданных поворотов, — сказал я сам себе. — Вот сейчас я вернусь и найду письмо, и что бы там ни было написано, я восприму это как должное и с позитивом».

Вернувшись, я нашёл дома записку:

— Я ухожу, — писала моя девочка. — Люби меня всегда!

Шёл сороковой день после смерти бабушки.

Я обещал любить её всегда.

**И
ЭТО
БЫЛА
ЛЮБОВЬ**

рассказ

— И это была любовь, но я её не узнала. Да и откуда было мне знать — мне, 14-летней послевоенной девчонке, — что она бывает такая.

Стучали колёса. Я ехал в купе фирменного поезда «Москва — Уфа», ехал домой после длительной командировки и уже в вагоне ощущал тепло родного края. Я скучал по своему уютному городу, где даже в часы пик не встретишь суеты и толкотни московских улиц, где нет надоевшего грохота метрополитена с его невыносимыми сквозняками, и радовался скорой встрече с близкими мне людьми.

Моими соседями оказались сухонький подвижный дед, стриженный по-советски в полубокс, с аккуратными чёрными усиками, и долговязый неуклюжий паренёк, аспирант уфимского педвуза, с необыкновенно широким, почти круглым лицом и длинными волосами, похожий то ли на хиппи, то ли на вождя индейского племени. Когда улеглись после посадочные хлопоты и мы неторопливо стали доставать припасы к традиционному вагонному чаепитию, в дверь постучали, и наша проводница, строго оглядев купе, поинтересовалась, не уступит ли кто нижнее место бабушке. Этим «кто», конечно же, оказался я, потому как аспирант и так расположился

Вагант Св

на верхней полке, мучить старика тоже было бы неправильно, и я согласился. Наверху, если подумать, даже удобнее спать, никто тебя там не потревожит, а когда спишь, время в поездке проходит быстрее.

— Пожалуйста, — сказал я и закинул свои вещи чуть выше, а потом и сам отправился за ними.

— Спасибо, сынок, — поблагодарила бабушка. Я улыбнулся ей в ответ.

— А ты зачем туда забрался? — строго спросил меня дед с чёрными усиками и, весело прищурившись, показал на бережно извлечённую из саквояжа бутылку. — Полагается выпить за встречу, за знакомство. Круглолицый аспирант довольно разулыбался:

— А я-то думаю, зачем мне надавали с собой столько закуски!

— Не, ребята, мы с бабушкой по чайку «прикольнёмся». По зелёному, — откликнулся я и вопросительно посмотрел на бабулю.

«Ребята» не смогли скрыть своего разочарования, а бабушка одобрительно сказала:

— Спасибо тебе, внучек, принеси нам кипяточку.

— Ну, бабушка, я молодею прямо на глазах. Только что был «сынком», а теперь уже «внучек», так мы и до правнуков дойдём.

— Дойдём, — засмеялась она, — мне ведь много годков.

Я спрыгнул с полки и, взяв кружку, отправился за чаем, а когда вернулся, заметил, что дед с аспирантом уже слегка «познакомились» и завязали обычную в таких случаях беседу ни о чём.

— Вы представляете, всю страну заставили сидеть в позе орла! — кипятился дед, взбрасывая

И это была любовь
вверх указательный палец и потрясая им. — В позе орла! Представляете?!

Аспирант, покрасневшийся от принятой водки и ещё больше похожий на вождя краснокожих, понимающе хихикал, бабушка молча копалась в пакете, не вмешиваясь в разговор.

— Не понял, — встрял я, разливая кипяток в стаканы. — Кто это у нас сидит в позе орла?

— Это он про туалеты, — подсказал «вождь».

Дед повернулся в мою сторону:

— Вот ты скажи, как может старый человек справить нужду в поезде при такой болтанке, ведь ему не удержаться, взобравшись на унитаз с ногами и ошалело вращая головой в поисках опоры? И смотрится он словно двуглавый орёл на гербе нашей Родины, разве что гордости за свою страну при этом совсем не испытывает. А вонь, которая идёт из сортира и которую ты вынужден нюхать на протяжении всей поездки?

Я вспомнил, что когда покупал билет, кассирша неожиданно заявила:

— В середине только верхние места. Вас устроит?

— А что в середине вагона ехать безопаснее? — удивился я.

— Вы не поняли. Вы же не хотите ехать рядом с туалетом?

— Нет, не хочу, — ответил я, представив бесконечный железный треск дверных защёлочек, и вместо плацкарты попросил купе.

Тем временем наш молодой попутчик разлил содержимое бутылки в стаканы, предложил традиционное «Будем!» и потянулся чокаться. Я чокнулся за компанию чаем.

Вагант Св

— Вот у нас завкафедрой как выпьет, так и не парится ходить в туалет, а писает прямо в раковину, — туда, где потом моет руки и посуду, — промолвил аспирант. — Не противно ли?

— Противно, разумеется, — поддержал старик. — Потому что нет у нас культуры! Я, например, не люблю, когда приходят гости. Они же обязательно напишут мимо унитаза. Даже если будут очень стараться попасть куда надо.

— Вот вы, — обратился старик ко мне, — как вы думаете, долго ли в нашей стране народ будет писать мимо унитаза?

В его голосе слышалась насмешка, но я остался серьёзен:

— Не знаю, я ведь давно уже привык писать в писсуары.

Все замолчали. И некоторое время пили молча. Кто водку, кто чай. Я вообще не очень люблю из вежливости и принуждённо поддерживать беседу с попутчиками. Обычно или слушаю рассказчиков, или думаю о чём-то своём. Поэтому небольшая компания разваливалась прямо на глазах. Замахнув очередную дозу, полупьяная часть нашего купе вышла перекурить. Мы с бабушкой продолжали неторопливое чаепитие. И тут она, до сих пор молчавшая, заговорила.

— В Германии очень чистые туалеты. Настолько чистые, что даже не знаешь, куда сходить. Боишься запачкать. Хочется выйти во двор по нужде. Но и там такой порядок, что удивляешься.

— А вы откуда знаете, как в Германии, бабушка?

— Да ведь я оттуда и еду.

— Были в гостях у детей? — догадался я.

И это была любовь

— Нет, искала свою любовь?

— Любовь в Германии?

— Да. Я знаю теперь, что это была любовь, но я её не узнала. Да и откуда было мне знать — мне, 14-летней послевоенной девчонке, — что она бывает такая.

Стучали колёса. Под их размеренный стук за окном проносились картинки наступившей осени, и казалось, это перелистываются страницы прошедшей человеческой жизни.

— Ох, и дура же я была! Ох и дура!

Бабушка задумалась, переживая про себя нахлынувшие воспоминания.

— После войны у нас в Черниковке появились лагеря с пленными немцами. Они строили какие-то объекты, в том числе и дома. Бараки, где жили пленные, были огорожены колючей проволокой, и находились они как раз на половине пути в школу, куда мы, дети нескольких близлежащих деревень, ходили пешком. Детей после войны было много, и ходили мы все вместе.

Немцев, конечно же, не любили: почти у всех в семье были погибшие и пропавшие без вести. Если вдруг удавалось увидеть зазевавшегося «фрица», то его закидывали камнями, которые как мальчишки, так и девчонки готовили заранее. Так мы пытались мстить. Да и в школе самым нелюбимым предметом был немецкий язык. Учительницу-«немку» ненавидели, а язык откровенно никто не учил. Воспитательные беседы директора ни к чему не приводили. И я до сих пор удивляюсь той выдержке, которая позволяла учительнице проводить уроки.

Вагант Св

Однажды, подкравшись к баракам, мы увидели двух немцев — старого и молодого, — которые курили и тихо разговаривали на ненавистном нам языке. Выскочив из-за укрытия, мы стали забрасывать их камнями. Мальчишки били из рогаток. Старик с криками скрылся, а молодой почему-то не стал уворачиваться от наших камней и неторопливо направился к нам. Ленка, моя подружка и соседка по дому, в ужасе завизжала и бросилась бежать. Все остальные сделали то же. А я испугалась так сильно, что не могла сдвинуться с места, потому что он шёл прямо ко мне, глядя мне в глаза, и ещё потому, что его серьёзное, по-детски веснушчатое лицо напомнило мне старшего брата, пропавшего на войне. И такие же рыжие, коротко стриженные, но забавно торчащие во все стороны волосы. И походка тоже его. Вот он сейчас подойдёт ко мне, подёргает шутливо за косички и скажет: «Ага! Попалась! Зачем на базаре кусалась?» И сам же рассмеётся довольный, да так заразительно, что все, кто его смех услышит, тоже разулыбаются.

Немец остановился у заграждения и заговорил со мной. Я вслушивалась в его речь, но, конечно же, ничего не понимала. Помню только своё удивление тому, что это не был тот грубый гортанный язык, который мы привыкли слышать на уроке и в фильмах про войну, которые изредка показывали в нашем клубе, — речь его была певучая и необычайно красивая, словно я услышала тихий рокот моря, которого до сих пор никогда не видела.

Оцепенение моё прошло. И тогда я достала из сумки свёрток с завтраком, который приготовила мне мама, перекинула через ограждение и убежала. Весь день не выходил у меня из головы этот вес-

И это была любовь

нушчатый немец, да и всю ночь я почти не спала, думала только о нём и вспоминала его тихий голос.

А утром я наврала подружкам, что проспала, и пошла в школу чуть попозже, потому что тайно надеялась увидеть своего нового знакомого. Удивительно, но он оказался на том же самом месте и помахал мне рукой так, словно ждал меня. Я снова бросила свёрток с завтраком и убежала, хотя он и пытался меня окликнуть. Так продолжалось долго, около месяца, прежде чем я осмелилась задержаться и чуть постоять рядом с заграждением, за которым находился он. Я не понимала его речи. Кажется, он спрашивал, кто я и как меня зовут. Только помню, как сердце моё билось сильно-сильно и как хотелось погладить его руку с продолговатым шрамом, идущим от большого пальца. Я украдкой заглядывала ему в глаза и почему-то не могла понять, какого они цвета, а когда он отворачивался, видела на голове две макушки — такие же, как у моего брата. Я и называла его про себя Женей, как брата, хотя и поняла, что зовут его Хайнц: он часто называл себя так в надежде, что и я скажу своё имя, но я молчала. Ох и дурой же я тогда была!

В моей школьной жизни произошли значительные изменения. Успеваемость моя заметно выросла. Я и раньше хорошо училась, но вдруг стала просто одержима учёбой. Читала запоем все учебники, даже математика, которая раньше давалась с трудом, стала понятной и простой, как слова любовной песни. И больше всего, конечно, нравились мне литература и немецкий язык. Я знала, что выучу его и смогу разговаривать с Хайнцом.

А Хайнц всё не оставлял попыток узнать моё имя и был очень настойчив. Но я побоялась назвать-

Вагант Св

ся и прошептала ему имя подружки. Помню, что он обрадовался тогда, как ребёнок.

Моя подружка Ленка упрекала меня, что я стала скрытной и неразговорчивой. Мы жили рядом и всегда были неразлучны. Наши матери тоже дружили и отмечали, что Ленка старается подражать мне: и одевается так же, и волосы заплетает как у меня. Подружка всё бегала за мной, пытаясь выведать мою тайну. Однажды это у неё получилось. Она подсмотрела, как я передаю свёрток с завтраком пленному врагу, и о моём поступке стало известно в школе и в нашей деревне. Школьные друзья объявили меня предательницей и постепенно перестали со мной водиться. Я пыталась не обращать на это внимания, но вскоре начались оскорбления и преследования. Раз, когда я возвращалась домой, за мной погнались городские ребята из дворов, расположенных рядом со школой. Они загнали меня в глубокую лужу и вывалили в грязи. Ленка всё это видела и, хотя пожалела меня, помочь не посмела.

Родители тоже почувствовали неодобрение и косые взгляды соседей. Не стерпев постоянного недоброжелательства, мама устроила скандал. Она, обычно всегда занятая хозяйством и поэтому молчаливая, неожиданно резко и раздражённо вошла со двора в горницу в тот момент, когда я готовила задания по немецкому, и стала кричать, что я позорю семью и что из-за немцев все наши беды и страдания. Я никогда не видела её такой, в ужасе и оцепенении смотрела на её гневное лицо и только, когда она замахнулась на меня рукой, чтобы ударить, тоже закричала: «Мама! Он такой же, как Женя! Ты не понимаешь, он совсем такой, как Женя!» Мама зарыдала и опустилась на стул. А я тоже плакала, об-

И это была любовь нимала её, гладила по голове и шептала: «Прости меня, мама. Я больше так не буду».

Очень долго я не была в лагере немцев. Да и в школу перестала ходить. А вскоре папа устроился в железнодорожные мастерские и перевёз нас жить в Уфу. Перед отъездом мне снова захотелось повидаться с Хайнцом. Я пробралась к нему украдкой вечером без всякой надежды свидеться, так как встречались мы раньше только рано утром. Но он ждал меня. Я сказала, что мы уезжаем, и, наверное, он понял, потому что был очень грустен. Он тоже что-то нежно отвечал мне на своём певучем наречье, а на прощанье перекинул мне небольшой свёрток. Дома я развернула его. Это была золотая брошка в виде змейки, а на змейке было выгравировано имя моей подружки.

Ох, и дура же я была! Ох и дура! Разумеется, я не могла показать этот подарок дома, а пошла и всё рассказала подружке и оставила брошку ей в подарок, попросив: «Ты не бросай больше в него ничем, пожалуйста!»

Колёса стучали, раскачивая вагон, и несли нас к родному краю. А бабушка достала откуда-то потёртый конвертик советских времён и, бережно его разглаживая, продолжила свой рассказ.

— Больше мне так и не удалось свидеться с Хайнцом. Несколько недель спустя их лагерь расформировали, а пленных перевели на новое место. Только через пятнадцать лет, во времена Хрущёва, когда это стало возможно, я начала искать своего Хайнца, хотя даже фамилии его не знала. К тому времени я окончила институт по специальности

Вагант Св

«немецкий язык», отработала положенный срок в школе, а затем неожиданно получила предложение преподавать язык партийным работникам. Среди моих учеников были достаточно влиятельные люди, которые помогли навести справки в архивах. В списке пленных, размещавшихся в пятом лагере, нашлось несколько Хайнцов, но только один из них по возрасту мог быть моим. Почти без всякой надежды я написала письмо в немецкое посольство с просьбой узнать о судьбе близкого мне человека, и каково же было моё удивление, когда через несколько месяцев получила телефон и адрес его отца.

Мне удалось дозвониться. Помню, как сильно волновалась и сбивчиво пыталась объяснить, кто я такая. Отец Хайнца тоже был взволнован и отвечал, что рад моему звонку, что сын рассказывал ему обо мне. Он долго благодарил меня за то, что я помогла его сыну выжить в плену, а потом сообщил его адрес. Хайнц к тому времени был женат и вместе с женой и двумя детьми жил в небольшом университетском городке на берегу Балтийского моря.

Я написала ему. И хотя ответного письма не получила, жила долгое время с тайной мечтой о встрече. Я так привыкла думать о нём, что каждый день представляла, будто разговариваю с ним. Рассказывала ему о своей жизни, делилась своими радостями и печалью. Как сумасшедшая. А временами писала письма, которые уходили в далёкую страну, убившую моего брата и забравшую моего возлюбленного. Часто ругала себя за то, что брата я так и не разыскала, а вот на чужом человеке помешалась совсем.

Прошла жизнь. Я так и не вышла замуж, и детей у меня своих нет. Перед пенсией уже снова пошла

И это была любовь

работать в школу, учила детдомовских детей и усыновила одного шустрого мальчишку. Женой зовут. Сейчас уже большой, выучился на военного и служит на Сахалине.

И вот недавно получаю я письмо, которого совсем не ждала. Письмо было написано по-русски. Дети и жена Хайнца писали, что их отца и мужа уже год как нет в живых, приглашали погостить и посетить могилу. Я, как дура, сорвалась с места и помчалась в Германию. Если бы я только могла предположить, каким потрясением будет для меня эта поездка! Но очень уж хотелось расспросить, как жил все эти годы человек, о котором я всю жизнь мечтала.

В Берлине меня встретил сын Хайнца, сорокалетний голубоглазый мужчина, говоривший по-русски совсем с небольшим акцентом. На серебряном Опеле часа три мы добирались до Грайфсвальда, а потом до загородного дома, где на крыльце меня встречала полная выхоленная немка.

Выйдя из автомобиля, я поприветствовала хозяйку по-немецки. Она улыбнулась и ответила по-русски:

— Здравствуй, Валя!

Я остолбенела: на меня смотрела и виновато улыбалась Ленка, моя подружка из далёкого послевоенного детства. И хотя я ещё со времён партийной школы умею владеть собой, долго не могла вымолвить ни слова. Наверное, потому, что почти всё мне стало понятно сразу. Остальное мне рассказала Лена, рассказала тут же, не успев пригласить в дом. Рассказала сбивчиво и торопливо.

— В шестьдесят седьмом Хайнц вернулся в Уфу. Вернулся с надеждой найти ту девочку, в которую был так сильно влюблён и которой грезил

Вагант Св

долгие годы. Искал он женщину по имени Лена, у которой может быть брошка в виде золотой змейки, и ему показали на меня. Я же не знала, где тебя искать, и не сориентировалась сразу, не знала, как и что объяснить, да и русским языком он владел недостаточно хорошо. Я думаю, у него были сомнения, что я не та девочка из его юности, но все приметы совпадали. Хайнц рассказал, что был женат, но жена его рано умерла, оставив ему двух детей. Недолго думая, он предложил уехать с ним в Германию. А что мне было терять? Скоро уже сорок, а ни семьи, ни детей у меня не было. Вот и согласилась. И радовалась новой жизни, как дурочка, пока не стали приходить твои письма. Я прятала их, говорила, что письма эти от моих уфимских подруг. Какой был смысл их показывать и что-то объяснять? Да и менять что-либо было уже поздно, ведь Хайнц ко мне очень хорошо относился и дети его ко мне привязались так сильно, что выучили русский язык, поскольку мне немецкий так и не дался.

— Прости меня, Валя, я ведь не думала, что всё так плохо получится. Это теперь я понимаю, что маленькая ложь приводит к большим разочарованиям. И жизнь моя прошла в чужой стране, в чужом доме, с чужими детьми. И рада бы я теперь всё изменить и вернуться домой, да возвращаться-то некуда.

Она заплакала, и моё сердце сжалось от боли не столько за себя, сколько за мою бывшую подругу:

— Пусть успокоится твоя душа, Лена. Бог всех простит.

— Мне нужно только твоё прощение, чтобы я могла спокойно умереть. Ведь нету никакого Бога, Валя. И души тоже нет. Разве может быть душа у опавших листьев? Если она и есть, то, наверное, у

И это была любовь
дерева. Мы ж только червяки, поедающие планету.
А у червяка вместо души — память, существующая
только при жизни. Поэтому и прощение ему нужно
лишь при жизни, чтобы спокойно доползать отме-
ренный ему век.

— А кем отмеренный-то, если Бога нету? Ты не
пригласишь меня в дом?

Мы вошли в уютный просторный холл с мягкой
мебелью и богато расшитыми гобеленами на стенах.
Вот здесь он жил, здесь, может быть, вспоминал обо
мне, тревожно размышляя о возможной будущей
встрече. Может быть, здесь рассказывал своим
близким историю, случившуюся с ним в далёкой
России. Странно, но теперь он не казался мне таким
родным и желанным. Принесли альбомы с фотогра-
фиями. С них глядел на меня совершенно незнако-
мый человек с белёсыми, почти прозрачными глаза-
ми. Он улыбался. Улыбался улыбкой преуспевшего
в жизни человека. Улыбался из чужого и недоступ-
ного мне мира.

Позже мы посетили ухоженное городское клад-
бище с широкими липовыми аллеями. На могилах
горели свечи, а у Хайнца была только плита с ко-
роткой надписью: Heinrich Valter (1926 — 2008).

Там, на кладбище, у могилы мне стало невыно-
симо жалко и себя, и мою странную подругу. Я, ко-
нечно, простила её. Мы обнялись и ещё долго вме-
сте плакали. Присутствовавшие при этом сыновья
Хайнца уважительно молчали, не догадываясь, что
оплакиваем мы не их отца, а свою собственную не-
сложившуюся жизнь.

Лена вернула мне мои письма. И тогда мне за-
хотелось побыть одной. Я пошла к морю, которого
раньше никогда не видела, долго гуляла по берегу,

Вагант Св

перечитывала свои строчки, думала о чём-то своём, а рокот волн напоминал мне певучий голос родного человека из моего далёкого послевоенного детства.

Стучали колёса, словно часы, отбивая улетающие секунды. Мы ехали молча. Рассказ был закончен и чай был допит, когда вернулись наши соседи.

— Как там с туалетом? — поинтересовался я.

— Да не открыли ещё, — проворчал дед и виновато добавил: — Пришлось немного того... в тамбуре.

— Ну, что? не созрел ещё? — спросил круглолицый вождь краснокожих, открывая новую бутылку водки.

— Мне налейте чуток, — неожиданно попросила бабушка.

Наши попутчики удивлённо переглянулись. Я молча придвинул к ним и свой стакан.

**ПУШКИН
37-го
ГОДА**

рассказ

Представьте себе раннее городское утро поздней весны. Не представили? Тогда вот вам несколько штрихов. Снег почти весь сошёл, и только грязные островки его чернеют между голыми обрубками тополей, выстроившихся вдоль тротуара в одну шеренгу, словно солдаты-новобранцы. Резкий неприветливый ветер гонит в спину молодого человека в чёрном неуклюжем пальто, крепко прижимающего к правому боку мятую кожаную папку. Шапка на голове отсутствует, и длинные волосы, развеваемые ветром, мечутся перед его острым носом так, что со стороны кажется, будто человек спешит за своими волосами. Впрочем, нет, он уже почти не торопится, потому что достиг автобусной остановки и упёрся в проезжую часть проспекта. Это как в одной из работ Николая Рериха: человек, подгоняемый бурей, бежит в гору, и вдруг бац, бежать уже некуда — впереди рама. Надеюсь, что теперь вы хоть чуть-чуть представили себе эту картинку и к моим немногочисленным штришкам добавили некоторые детали из своего опыта стояния на остановках ранним весенним утром, пока солнце ещё... Ну, ладно, достаточно.

К остановке то и дело подлетают маршрутные «газели» и бесстыдно распахиваются перед продрогшими пассажирами, предлагая своё тепло и те-

Вагант Св

ло. Пассажиры проникают внутрь. Один, второй... Третьим входит молодой человек — очкастый, носастый, худющий городской лох в нелепом демисезонном пальто — плюхается на самое неудобное боковое сиденье и кладёт на колени мятую кожаную папку. Теперь нужно сказать о том, что находится в папке. В ней — листы исписанной бумаги, тетрадка с лекциями и книжка. Может быть, даже Пушкин. Или что-то о нём. Я точно не помню. В данном случае это неважно. А вот кляссер с марками помню отчётливо.

Маршрутка трогается. Молодой человек по привычке хочет закрыть глаза и подремать немного дорогой, но не может этого сделать, потому что взгляд его сначала упирается в округлые колени, обтянутые чёрными колготками, а потом уже бежит по всей видимой части колготок вверх и вниз. После долгой зимы, скрывавшей в вьюгах женские прелести, изголодавшемуся мужскому взору предстают стройные девичьи ноги. Как некое откровение. Как гений чистой красоты! И я не могу не восхититься их совершенством. Таких ног я ещё никогда не видел!

Ой, простите. Кажется, я оговорился. Но, наверное, вы уже и сами догадались, что молодой человек в пальто — это я. Иначе откуда же мне знать, что лежит в кожаной папке? Жаль, конечно, моей оговорки, поскольку теперь мне трудно будет наполнить рассказ своей иронией по отношению к герою, а сам я воспринимаю эту историю слишком отрешённо, будто случилась она и не со мной.

Итак, ранним весенним утром я ехал на работу и любовался ногами моей попутчицы. И ещё колготками, потому что на них был замысловатый тре-

угольный орнамент. Я не сразу посмел взглянуть в лицо обладательнице колготок. И лучше бы вообще этого не делал. Однако я взглянул.

Впечатление, прямо скажем, было неоднозначным. Передо мной сидела девушка лет восемнадцати–двадцати. Этакая карточная пиковая дама: тёмные прямые волосы, длинная чёлка, совсем закрывавшая брови, ресницы, густо накрашенные тушью так, что казалось, глаза глядели зловеще откуда-то из глубины; губы, напротив, были бледны, поэтому на лице обозначались только глаза, и смотрели они в упор без всякой тени смущения. На юном лице не было ни одной морщинки, а вот шею пересекали две параллельные полоски, чуть заметные в тусклом свете. На ней была чёрная короткая куртка из какого-то искусственного материала. От капюшона шли две чёрные ленточки, которые на уровне груди переплетались в аккуратный узел. Чуть выше узла вырисовывался кулон на серебряной цепочке с изображением древнеегипетской символики. Из-под длинных волос сползали провода плеера, уходившие в глубину тёмной сумочки, украшенной аппликацией в виде креста фаллической формы.

Наверное, внешний вид девочки мог бы вызвать у меня если не смех, то хотя бы улыбку, но моё внимание приковали её серьёзные жгучие глаза. Я потом так и рассказывал знакомым: «Её взгляд прожигал меня насквозь».

Моя бесцеремонность вывела из терпения юное создание, и ранее плотно сжатые губы чуть скривились в ехидной усмешке. Глядящие из глубины ноши глаза как лазером прожгли во мне несколько дырок, а низкий голос произнёс ласково, но презрительно:

Вагант Св

— Ты что уставился, придурок? Скоро совсем под юбку залезешь.

— Простите, — сконфузился я. — Дурацкая мужская привычка.

Люди в маршрутке разулыбались, а старик, сидящий рядом, понимающе кивнул:

— Весна, весна... Эх, мне б твои годы!

Мне не было стыдно. Я же не замышлял что-либо плохое, однако всю оставшуюся часть дороги чувствовал себя не в своей тарелке. Я вышел на «Гостинке». Девочка, к моей досаде, поступила так же. Сделав вид, что меня больше не интересуют её колготки, я пошёл в свой родной «пед». Всю дорогу мне казалось, что чёрные глаза преследуют меня. И на работе я не мог забыть того странного впечатления, которое оставил во мне образ девушки. Я даже попытался описать её своим сослуживцам. «Это готы, — заметил небрежно Игорь, наш аспирант, из-за своего монитора. — Их манера». «Кто такие готы?» — удивился я, но мне не ответили. Не долго думая, я включил компьютер, залез в Интернет и уже через десять минут знал о готах если не всё, то многое.

Я работал в вузе, где преподавал русскую литературу XIX века. Этим и жил. Мне доставляло удовольствие копаться в классических текстах, выискивая в них, казалось бы, незначительные детали, которые ещё не были замечены исследователями и пущены в научный оборот. Мой принцип анализа был прост: у настоящего писателя нет ничего случайного, любая деталь может неожиданно «вытащить» идею всего произведения, её лишь надо связать с характером и биографическими данными автора, тогда раскроются мотивация и внутренняя форма используемого приёма, тогда книга напол-

нится новым смыслом и, словно лунный свет в ночи, заморозит вас. Своими находками я щедро делился со студентами. Они удивлялись тому, как самим до сих пор не приходили в голову столь очевидные вещи, и, что там скромничать, от этого мои лекции были очень популярны, и мне никогда не приходилось заботиться о наполняемости аудитории. Я жил ради студентов: отдавал им всю мою энергию и любовь, а взамен получал то же самое в виде ответного тепла. А если я чувствовал тепло, это значило, что занятие прошло успешно.

В тот день я рассказывал о Константине Батюшкове. После общих мест о том, что нового внёс Батюшков в русскую литературу, я обратился к стихам и вдруг почувствовал себя неуютно. Что-то не ладилось сегодня в моём выступлении, будто отсутствовала общая концепция и все факты жили сами по себе. А ещё что-то не так было с аудиторией, что-то мешало мне. Я сбился с мысли и замолчал, потом вышел из-за кафедры, подошёл к передним рядам и всё понял: из глубины помещения на меня смотрели тёмные готские глаза.

Неожиданная искра прозрения сверкнула в моём мозгу, и я начал говорить совершенно не то, что набросал в своих конспектах:

— А знаете, мироощущение Константина Батюшкова очень близко современной молодёжной субкультуре готов. Могу перечислить чем. Это и романтично-депрессивный взгляд на жизнь, использование сюжетов, связанных со смертью и умиранием, неагрессивность и интеллектуализированность поэзии. Конечно, он не красил губы и ногти чёрным, не выбеливал лицо. Ему не требовалось изображать трагедию: судьба его и без того трагична,

Вагант Св

ведь фактически половину жизни он провёл, созерцая смерть, в совершенном беспамятстве.

Меня несло: я выдумывал на ходу невообразимые метафоры, читал стихи эмоционально, с надрывом и готической хрипотцой. Я видел восторг в глазах публики и зажигался ещё пуще прежнего.

— Писателей всегда привлекала тема смерти, поскольку смерть — непостижимая тайна, и, к сожалению, тот, кому «посчастливилось» познать её, уже не поведает нам свою историю. Люди — противоречивые создания: они и боятся смерти, и пытаются заглянуть ей в глаза. Я помню, как однажды, будучи ещё первоклассником, тонул. Была весенняя вылазка на природу всем классом. Наша молоденькая учительница даже и не заметила, как её «лучший ученик» выскочил на хрупкий лёд местного пруда и тут же ушёл под воду. Странно, но я совсем не испугался, идя ко дну в холодной воде, а вдруг вспомнил рассказ родителей об утонувшем недавно мальчике. «Вот и я теперь узнаю, как это бывает», — подумалось мне. Вся моя маленькая жизнь вмиг картинками пролетела в моём сознании, и уже другая мысль яростно забилась в голове: «А как же мама и маленький братишка? Как же они без меня?!» Эта мысль каким-то чудом вытащила меня на поверхность, и меня спасли. Да, люди испытывают странную любовь к опасностям. Практически каждый, боясь глубокой пропасти, всё же подходит к ней и пытается заглянуть в бездну. Потому что там — вечность.

— Смерть притягивает к себе. Иначе зачем праздновать юбилеи со дня смерти? Подумать только: в 1937 году страна с большой помпой отметила 100-летие со дня убийства нашего великого поэта

Пушкина! И при большой любви к нему никто не осознавал нелепости праздника. Именно 37-й год отличился таким количеством сталинских репрессий, что в художественных кругах мрачно шутили: проживи Пушкин ещё сто лет, он бы всё равно умер в 37-м.

— А что, Пушкин тоже гот? — почти издеваясь, спрашивали юные интеллектуалы.

— Разве вы не видели пушкинские рукописи? вспомните, какой у него почерк?

— Готический! — восхищались студенты, а я тут же вворачивал вдогонку сюжеты «Пиковой дамы» и «Гробовщика», и недавнее недоверие вмиг переходило в удивление. И вот уже мои слушатели сами включались в игру и неожиданно для себя открывали, что Лермонтов «вообще гот по жизни», а Гоголь — «гот манерный, стильный и понтовый». В общем, студенты веселились от души, одаривая меня аплодисментами, и только звонок с лекции несколько погасил наш пыл.

Вовсю светило весеннее солнышко и радостно заглядывало в моё лицо, счастливое от удачно проведённого занятия. Почти бесцельно я брёл по улице, улыбаясь и заново переживая удачные моменты лекции, как вдруг опять появилось ощущение пристального взгляда и преследования. Я обернулся: меня догоняли чёрные глаза.

— Привет, — растерянно сказал я. — Уже домой?

— Нет, за тобой, — нагло ответила она.

Её манера говорить на «ты» несколько покорибила меня и смутила: со студентами и тем более со

Вагант Св

студентками я всегда старался соблюдать дистанцию.

— Ты так хорошо рассказывал о Пушкине. А расскажи мне ещё о нём.

Детская непосредственность подкупила меня, и я улыбнулся:

— Да знаешь, как-то... о Пушкине... вот здесь, на грязной улице? Давай лучше зайдём в какое-нибудь кафе, и я покажу тебе марки.

— Марки? — она поморщилась. — Зачем мне марки?

— Это моё хобби. И, кстати, марки-то с Пушкиным.

— С Пушкиным?

— Да, с Пушкиным.

— Тогда расскажи мне о марках.

— А тебе не будет скучно?

— С тобой — нет.

Неожиданно для себя я пригласил студентку пообедать, совсем не думая, прилично ли это для преподавателя. Никогда прежде я не позволял себе подобной беспечности и даже избегал женского общества. Несмотря на то, что к тому времени я был уже в разводе и имел на счету несколько непродолжительных романов, только в мечтах представлял себя в роли пылкого любовника вроде героя «Теории танца»²¹, а на самом деле вёл холостяцкую жизнь «башкирского девственника»²² в однокомнатной уфимской квартире на проспекте Октября в доме номер... А зачем, собственно, вам знать мой домашний адрес?

²¹ Книга Игоря Фролова.

²² См. роман Айдара Хусаинова «Башкирский девственник».

Мы зашли в кафе, но, конечно, не в «какое-нибудь», а в «Лидо». Я там часто обедаю; не потому, что мне уж больно нравится кухня, а потому, что рядом со входом находится памятник Пушкину. Во времена студенчества мы с товарищами приходили к нему 6 июня орать во весь голос свои юные стихи, а потом шли в «Театралку»²³, читали и там наши «гениальные» строчки удивлённым посетителям, и те уважительно пропускали нас в туалет совершенно без очереди. Сейчас место перед Пушкиным несколько опошлено окружившими памятник пивными столиками, но воспоминания о молодости всё ещё влекут меня сюда.

Выбрали место на втором этаже и заказали обед.

— Что будем пить? — спросил я мою даму и, не дожидаясь ответа, заказал два зелёных чая.

Она удивлённо посмотрела на меня:

— Может быть, всё-таки пиво?

— Нет, чай, — ответил я. — Зелёный, с сахаром и лимоном.

Она, было, обиделась, но стерпела.

— Меня зовут Олег Романович, для друзей — Орф. Может, и ты назовёшь своё имя? А то неудобно как-то.

— Я знаю, как тебя зовут. А разве ты не запомнил меня, я уже полгода на твоих лекциях.

— Да вот я больно уж невнимателен. Если бы ты не назвала меня придурком, то вообще б тебя не запомнил.

Она улыбнулась:

²³ Кафе «Театральное», которое находилось на углу улиц Фрунзе и Ленина.

Вагант Св

— А мои ноги ты запомнил? Тебе нравятся мои ножки? — она встала из-за стола и продемонстрировала их, чуть приподняв юбку и выжидающе глядя на меня.

Я никак не отреагировал. Просто молча смотрел на неё, задумавшись о чём-то своём. Так и не дождавшись комплимента, она села и примирительно спросила:

— Хорошо, как бы ты хотел меня называть?

— А вот этого не надо. Так обычно говорят проститутки.

— Ты-то откуда знаешь? — хитро прищурилась моя собеседница. — Неужели заказывал?

— Нет, читаю много.

— О проститутках?

— Вообще о жизни. Что-то ты совсем распоясалась.

— Ну, ладно-ладно. Я — Танчулпан, по-русски Таня. Кто-то собирался показывать марки. Я не думаю, что нас обслужат мгновенно. Давай пока посмотрим.

Я раскрыл уже выдавшую виды кожаную папку и достал заветный кляссер, как вдруг зазвонил мобильник.

— Папа, привет! — это была дочка. — Ты сегодня зайдёшь к нам?

— Нет, ты же знаешь, я пишу докторскую. Сегодня некогда.

Она вздохнула:

— Знаю. А может, сходим в Макдоналдс?

— Что там делать? Есть американскую отраву? Давай лучше в субботу сходим в парк.

— Ну, давай, — обрадовалась дочка.

— Ладно, до встречи, пока-пока!

— Па-ап!

— Да, что?

— Когда я вырасту, поеду в Москву и куплю тебе марку с Пушкиным 37-го года. С такими зубцами, как ты говорил. Помнишь?

Я улыбнулся:

— Да, моя родная, помню. Спасибо тебе!

— А когда ты допишешь свою докторскую?

— Не знаю. Уже скоро, наверное.

— И тогда мы будем жить вместе?

— Да, конечно! Ну, пока-пока!

— Быстрее бы... До свидания, пап!

Разговор прекратился. Я молча наблюдал, как Таня-Танчулпан вопрошающе сверлила меня пронзительным готским взглядом. Наконец она не выдержала:

— Что, дочка?

— Да, — ответил я не очень охотно. — К сожалению, мы почти не видимся.

— Я догадалась. Такие, как ты, живут в разводе.

— Почему это? — обиделся я. — С чего это ты так решила?

— Я наблюдательная. Сама росла без отца. Большая дочка-то?

— Большая, уже в пятом классе. И любит меня очень.

— Меня тоже любили. Только это было давно и неправда.

— Ладно, давай не будем о грустном. Вот мой альбом. Учти, что марки для меня — вещь интимная, я их показываю только близким людям. Но тебе как-то удалось влезть в доверие, и захотелось поделиться сокровенным. Ты не возражаешь, если я сяду рядом?

Вагант Св

И неожиданно для себя я поведал совершенно незнакомой девочке печальную историю, ту, которую никогда никому не рассказывал.

— Посмотри, это Пушкин 37-го года. Представляешь (я говорил вам на лекции), гибнет великий поэт, а через 100 лет вся страна празднует день его убийства. Бред какой-то! На самом-то деле не повод для веселья. Разумеется, это день памяти, день скорби. Но зачем устраивать пляски на костях? Только у нас, наверное, поминки могут завершиться дискотекой.

Ну да ладно, Бог им судья — тем, кто всё так придумал. Но как повезло филателистам! Были выпущены памятные марки — коммеморативные, как их называют коллекционеры. Вот блок с двумя марками в 10 и 50 копеек, изданный к открытию Всесоюзной Пушкинской выставки в Москве, в почтовом отделении он гасился специальным штемпелем. Было выпущено также шесть марок разных номиналов. На одних, как ты видишь, изображён Пушкин с известной гравюры Райта, а на других — знаменитая скульптура, выполненная Опекушиным.

— А зачем тебе столько одинаковых марок? — спросила девушка.

Я улыбнулся.

— Посмотри внимательней. На самом деле они разные и отличаются в основном или сортом бумаги, или количеством зубцов. Собрать все разновидности очень трудно. Представь, марки этой серии выпускались и на простой, и на мелованной бумаге, с линейной и с гребенчатой зубцовкой.

— А как это — с гребенчатой?

— Ну, это значит, что перфорация при изготовлении наносилась сразу с трёх сторон, как бы в форме гребня.

— И сколько же стоит вся серия?

— Очень дорого. Один только блок на простой бумаге оценивается в 70 000 рублей, есть разновидность десятикопеечной марки в 25 000 рублей, да и другие не очень-то дешёвые.

Моя собеседница была в восторге:

— Так значит, ты носишь с собой целое состояние?

— Нет, я ношу с собой память.

— Память о Пушкине?

— Память о моём отце — Орфее.

Орф — это ведь прозвище, только не моё, а отца. Он его в своё время сделал фамилией. Так было модно в творческой среде. Почему Орф? Полностью прозвище звучало как Орфей, и получил он его в молодости, когда ухаживал за моей матерью, писал ей нежные песни и исполнял их прилюдно, чтобы завоевать её расположение. Многим импонировала его романтическая влюблённость, и его в шутку спрашивали: «Орфей, где твоя Эвридика?» Сокращённый вариант прозвища стал не только моей фамилией, но и инициалами, потому как ОРФ означает Олег Романович Фролов. Это тоже одна из причуд моего родителя.

Отца многие хорошо знают. Это известный учёный-биолог, писатель, автор многочисленных научных и литературных трудов. Мне ж не досталось такой славы. Многие убеждены, что природа решила как следует отдохнуть на мне.

Отец был страстным коллекционером и собирал всё, что было связано с именем Пушкина. В день

Вагант Св

совершеннолетия я получил бесценный подарок — полную коллекцию пушкинских марок 37-го года — предмет его гордости и предмет зависти многих коллекционеров. С Пушкина всё и началось. Культ Пушкина царил в нашем доме. О Пушкине я знал всё, о нём перечитал книги, имеющиеся в профессорской библиотеке, собранной отцом за многие годы увлечения поэзией. С Пушкиным связаны мои первые успехи студенческих лет, множество статей, опубликованных в солидных научных журналах, наконец, по пушкинской теме защитил кандидатскую в Питере. Только почему-то мои труды не нашли отклика и понимания в научной аудитории, не получили какой-либо заметной оценки, и даже критики работ не последовало.

Отец подтрунивал надо мной, хотя чувствовалось, что он очень переживает. Мне, уже привыкшему делиться с ним успехами, похвастаться было нечем. Отец ежегодно получал какие-то награды, премии, его литературские способности были признаны, газеты и журналы наперебой заказывали ему статьи, и на телевидении он был желанным гостем. А я для всех был только сыном известного учёного, мои собственные способности никого не интересовали, хотя я уже писал докторскую и разработал свою оригинальную теорию исследования авторского текста. Так продолжалось довольно долго, пока я не влюбился и не женился на очень милой девушке.

«Вот она, моя Эвридика!» — решил я, как только её увидел.

Она была чертовски обаятельна! Особенно в профиль. В один миг я поверил влекущему запаху её волос, *and for one second I lost my head*²⁴, как по-

²⁴ Из песни «One second» готической группы Paradise Lost.

ётся в вашей готской песенке. Ловлю себя на мысли, что сейчас уже трудно описать моё тогдашнее состояние, знаю только, что это была сумасшедшая страсть, поглотившая меня целиком. Каждую секунду я думал только о ней, плохо переносил разлуку и при встрече обнимал её так, словно боялся потерять, словно боялся поверить неожиданному счастью. Я забросил занятия наукой и оставил «на потом» увлечение марками: ни на что другое у меня не хватало времени. Я писал восторженные стихи, подбирал к ним мелодии и исполнял их моей любимой. А она... Что она? Она позволяла любить себя. Позволяла ухаживать и дарить подарки. Сейчас я думаю, что ей льстили ухаживания молодого человека, сына известного учёного — популярного в городе человека. Она стала вхожа в элитный круг творческой интеллигенции — в мир, ранее ей недоступный. Ей доставляло удовольствие рассказывать удивлённым подругам о своих знакомствах со знаменитостями — артистами, радио- и телеведущими и другими чудаками, заезжавшими с гастролями в наш город. И я теперь думаю, что ей всего лишь импонировало моё внимание, а вот любить она меня никогда не любила. Но была свадьба, были цветы и машины, богато уставленный стол и крики «горько». Всё как положено, и как пишут в книжках. Наверное, я был счастлив. Наверное, была счастлива она. «I'm your fire at your desire», — звучала во мне знаменитая Шизгара²⁵.

После свадьбы всё изменилось. Когда я попытался вернуться к прежним занятиям, то с удивлением обнаружил, что мои увлечения супругу несколько не интересуют и даже скучны ей. Мои заня-

²⁵ Песня «Venus» голландской группы Shocking Blue.

Вагант Св

тия требовали уединения и покоя, и жене стало не доставать внимания. Её влекло общество, ей хотелось ежедневного праздника — и вдруг понеслась бесконечная череда гостей-подружек, дней рождений и прочих застолий, в которых мне тоже приходилось участвовать. После очередного похмелья я начинал осознавать, что жизнь проходит напрасно, что ничего ещё не сделано значительного, чтобы можно было предаваться безудержному веселью. Но следующая вечеринка уносила ещё кусочек моей жизни, обращая в прах мечты о большой науке. Увлечение марками тоже пришлось оставить: на них не было ни времени, ни денег.

Трудности возросли, когда родилась дочка. Я люблю своего ребёнка, и был совершенно счастлив, когда она появилась. Вот теперь, думал я, у нас будет настоящая семья, и заживём мы совсем по-другому. Как же я ошибался!

В 1998 году случился знаменитый дефолт, унёсший накопления простых граждан, в том числе и сбережения нашей семьи.

— Где твои деньги? — спрашивала моя любимая, а я ничего не мог ответить и чувствовал себя полным ничтожеством.

И тогда я продал марки — те, которые собирал ещё мой отец. Продал за бесценок. И что купил на вырученные деньги? Купил ей кольцо к 8 Марта и ещё цветы. Она была счастлива ровно один день. Словно выглянуло на секунду солнышко в ненастную погоду, и снова всё заволочло тучами.

А потом неожиданно умер мой папа, и только спустя некоторое время после его похорон я осознал всю тяжесть утраты: я понял, что не к кому больше пойти и поделиться своими радостями и за-

ботами, некому больше звонить, для того чтобы изложить проблему и попросить совета. Я понял, что никто уже не порадуетя так искренне и заинтересованно моим успехам. Мои маленькие достижения в науке никому, кроме меня, теперь уже не нужны. С отчаянием я осознал, что предал отца в тот самый момент, когда продал подаренные мне марки. Я бросился было вернуть их, но было уже поздно: цены взлетели, а подбор качественного материала на филателистическом рынке требовал времени и терпения. Представь себе, за восемь лет я смог вернуть лишь три четверти своего собрания. Вот так... С тех пор моя коллекция разбита, как разбито моё сердце, поскольку с семьёй пришлось расстаться. Я вернулся к докторской, попытался наверстать упущенное и восстановить утраченное. Но вот и сейчас чувствую, что нет уже во мне прежнего вдохновения и юношеского задора, а главное — не вернулась ещё та неосознаваемая природная гармония, уравновешенность жизни, которая и позволяет творить, унося прочь суетные тревоги. Незаконченная работа угнетает меня, связывает по рукам и ногам, ограничивает желания и возможности. Однако я точно знаю, что когда-нибудь допишу её, поставлю заветную точку на последней странице, и тогда уже всё переменится и начнётся новая жизнь, в которой я буду предоставлен самому себе и смогу делать всё, что только захочу.

— Например, смогу пойти в парк с ребёнком, — неожиданно грубо прервала Танчулпан мою тираду, и я замолчал.

Девушка взяла в руки альбом и стала осторожно перелистывать его.

Вагант Св

— Прости меня за «придурка», — вдруг сказала она. — Не такой уж ты и чокнутый, как прикидываешься.

— Да нет, — усмехнулся я, — не переживай, я же и сам знаю, что ненормальный, но всегда думал, что ненормальный со знаком «плюс».

— Ещё с каким плюсом! — засмеялась она. — Я поймала кайф от тебя. Чуть не кончила.

Потом мы долго пили чай и просто болтали ни о чём, как старые знакомые, давно не видевшиеся и радующиеся неожиданной встрече.

— Проводи меня, пожалуйста, — попросила она, когда с чаепитием было покончено. — И я хотела бы показать тебе мою коллекцию.

Мы вышли из кафе и, помахав на прощанье Пушкину, неспешно пошли вверх по улице его имени.

— И куда же мы идём? — спросил я.

— На кладбище, разумеется, — небрежно бросила она. — Ты же связался с готкой.

Она посмотрела на меня, хитро прищурившись, выжидая мою реакцию.

— Да вообще-то я ни с кем не связывался.

— Тогда какого чёрта я слушала твою историю?

— Ну, хорошо, — согласился я. — На кладбище так на кладбище. И как мы идём?

— По улице Пушкина.

— Разве может улица Пушкина вести на кладбище? — удивился я.

— Не знаю, но весь путь туда связан с его именем.

Мы шли молча под ярким весенним солнцем, думая каждый о своём. Миновали ресторан и клуб «Пушкин», торгово-сервисный комплекс «Пушкинский», за домом №37 свернули на улицу разбойника Степана Разина, затем на улицу анархиста Бакунина и наконец очутились возле центральных ворот мусульманского кладбища.

— Вот он, мой альбом марок, — сказала Танчулпан, входя в ворота.

— Марок?

— А разве ты не видишь собрания коммеморативных марок? Посмотри, сколько их здесь с различными зубцовками — и линейными, и рамочными. А вот и беззубцовые варианты.

Мы шли по дорожке мимо могил, и сравнение их с марками показалось мне вполне уместным. Словно кто-то тщательно подбирал хронологическую коллекцию, стараясь не упустить редкие экземпляры и экономя до предела место в кляссере. «Действительно, — думал я, — вот роскошные блоки могил с высокопарными надписями, а вот и простые бесхитростные издания, имеющие, несмотря на это, не меньшую историческую ценность».

На кладбище было немногочисленно. Чуть в стороне от нас беременная женщина склонилась над могилой родителей да местные служащие сгребали мусор и сжигали его. Почему-то рядом с могилами. Дым от костра сначала стелился по земле, а уж затем устремлялся высоко в небо.

Мы подошли к забытому всеми надгробному камню, покосившемуся от времени. С трудом удалось прочитать надпись: «Писатель Г. Масгут. 1907—1944».

Вагант Св

— Твоя коллекция требует ухода, — сказал я Танчулпан.

— Это наша общая коллекция, — ответила она. Я не стал возражать.

— Посмотри на могилу Бикчентаева, вандалы выдрали цветной металл с его памятника. Для таких уродов марки лишь предмет купли-продажи.

Я молчал и удивлялся тому, как хорошо знает кладбище моя спутница. А она остановилась у детской могилы и поздоровалась с мальчиком, глядевшим с фотографии, как со старым знакомым: «Привет, Тимурчик! Я принесла тебе конфеты!» — и положила на плиту конфеты в оранжевых фантиках.

— Твой родственник? — сочувственно поинтересовался я.

— Нет, просто я давно знаю эту могилу. Послушай, я целую зиму не была на кладбище. Можно, я побуду немного одна, а ты подожди меня здесь или погуляй немножко? Ладно?

Я не мог не согласиться и кивнул ей. И тогда она, свернув с дорожки, ушла куда-то в глубь захоронений и скрылась за деревьями, а мне захотелось просто побродить и послушать кладбищенскую тишину. «Именно здесь, среди могил, понимаешь, что наша брэнная суэта ничто по сравнению с вечностью, — думалось мне. — Мы всё куда-то стремимся, нервничаем, спорим и ссоримся с близкими нам людьми, доказывая свою правоту. А настоящая правда, она же может открыться только здесь, в мире давно отошедших людей, отгоревших радостей и страданий. Может быть, права моя «готическая знакомая»? Если бы людей с детства приучали регулярно посещать кладбища и отдавать дань уважения покою ушедших поколений, возможно, они бы по-

другому оценивали свои поступки и научились бы жить в мире и согласии?»

Но тут мои размышления были прерваны пьяными выкриками и неуместным, казалось бы, в таком месте резким хохотом: толпа пьяных ребят, груженных баллонами пива, пробиваясь сквозь заросли и ограждения, направлялась в сторону оврага, куда ушла Танчулпан. Я забеспокоился и отправился за ней.

Я нашёл её сидящей на корточках возле какой-то могилы. Прижавшись к невысокой ограде, она вглядывалась в фото на памятнике. Осторожно, боясь потревожить, я подошёл поближе и вздрогнул: с фотографии смотрела на меня моя спутница.

— Кто это? — спросил я в недоумении.

— Это я, — ответила Танчулпан. — Разве ты не видишь?

Я был в полной растерянности, но не стал расспрашивать её ни о чём, ожидая, что девушка и сама всё разъяснит, если захочет. И она рассказала.

— Моя история короче и намного прозаичнее твоей. Наверное, тебе будет противно и ты не захочешь больше со мной общаться. Но мне почему-то хочется всё рассказать именно тебе. Почему? Потому что ты Орфей!

Она улыбнулась и, чуть помедлив, продолжила:

— Я умерла два года назад. И вот моя могила. Не смотри на меня так, я не сумасшедшая. Так получилось. Просто глупая случайность вдруг изменила мой счастливый мир, в котором я жила. Мне и сейчас непонятно, почему судьба обошлась со мной так жестоко. Я росла в дружной деревенской семье

Вагант Св

и была в ней единственным ребёнком. Папа с мамой любили меня и баловали. Только, когда мне исполнилось одиннадцать лет, мама убила отца. Она и сама не знает, за что. Просто после весёлого праздника с обильной выпивкой она ударила его ножом, спящего, из-за какой-то мелочной обиды. Её посадили, а меня воспитала бабушка. Освободили маму досрочно, но я с ней жить уже не смогла и сбежала в город.

Мне хотелось самостоятельности и независимости, а ещё хотелось красивой жизни, и мечтала я о надёжном мускулистом парне, рядом с которым будут нипочём все невзгоды. И такой нашёлся. В первый же день моего пребывания в городе остановилась рядом со мной шикарная иномарка, и парень моей мечты с весёлой улыбкой предложил прокатиться. Звали его по-иностранному красиво — Германн. Это была его фамилия. Мы катались весь день, и он угощал меня шашлыками, пивом и мороженым. Когда я утром пришла в себя от неожиданного счастья, мой принц объяснил мне, чем он занимается, и предложил работать на него.

Ты знаешь, я не удивилась, не испугалась, а полностью доверилась моему любимому. Он был сутенёром, и я честно на него работала, пока не залетела. Германн был откровенно расстроен, сказал, что любит меня и что неплохо было бы сделать аборт. Но мне вдруг захотелось родить ребёнка и начать новую жизнь в новых заботах и радостях. И я ушла, даже не сказав, что жду ребёнка именно от него.

Ребёнок умер во время родов. Мне его не показали и не отдали. Я выла несколько дней, как сука, у которой отняли щенят. Мне было больно оттого, что у моего ребёнка не будет даже могилы, куда я

смогу приходить, и тогда я решила похоронить себя. Выйдя из роддома, я заказала небольшой гроб, сложила в него детские вещи, которые во время беременности так тщательно подбирала. Потом позвонила одному из своих влиятельных клиентов и попросила помощи. Он договорился с кладбищенскими людьми, и мы устроили это захоронение, а через год поставили и памятник. Теперь всегда, когда мне очень плохо и когда хорошо, я прихожу сюда. Я прошу прощения у моего ребёнка, у моей брошенной мамы, у погибшего нечаянно отца и снова живу. Вот так. Ты не заморачивайся сильно, ладно? Пойдём отсюда. Иди к выходу первым, а я за тобой, только ты не оборачивайся, пожалуйста. Так нужно.

В смятении я направился к выходу, не зная, как теперь вести себя после столь неожиданного откровения. Было невыносимо жаль бедную девушку, а ещё невыносимее было осознавать, что моя загадочная знакомая оказалась обыкновенной прос...

«А идёт ли она за мной?» — подумалось мне, потому что шагов её не было слышно. Я оглянулся и увидел только, как обозначились на секунду и исчезли в глубине кладбища тени чёрной куртки и узорчатых колготок.

Я вышел на улицу Пушкина и вдруг понял, что она не ведёт на кладбище, а наоборот, выводит из его тьмы к весеннему оранжевому солнышку. И тогда я достал телефон и позвонил дочке.

— Привет, — сказал я. — Ты знаешь, а я дописал свою докторскую.

Вагант Св

— Правда?! — обрадовалась девочка и засмеялась счастливо. — Теперь ты всегда будешь со мной?

— Да, теперь мне не нужно ничего писать, и я буду с тобой!

— Вот здорово! И с мамой?

— И с мамой, — неожиданно для себя ответил я, и сам удивился своему ответу.

**ДЕВУШКА
С РОМАШКАМИ**

СТИХИ

С н о в а о с е н ь

Снова осень, сохнут листья,
Больно ливни бьют.
Ты не бойся ошибиться –
Здесь тебя не ждут.

Не тревожь слугу у двери,
Не входи в сей мир.
Это ложь! Здесь не веселье –
Погребальный пир!

П а м я т и Б р е л я *
*

Я поверить не мог. Неужели и ты
Вдруг покинул навек мир людской суеты?
И попутные ветры судьбу занесли
На заброшенный берег цветущей земли?
Там о мокрый песок мерно трётся волна,
Сберегая покой непробудного сна,
Море тихо ворчит, на прощание спев,
Сочинённый тобой колыбельный напев.
Увлекая с собой в невозвратную даль,
В грустных мыслях витает глухая печаль,
На пустынное небо всплывает луна,
На могиле твоей — тишина... тишина...

И мне чудится, будто в такую ж весну
Я однажды вот так же внезапно усну.
Но ты можешь поверить, с твоей вышины
Я б послушать хотел красоту тишины.

* С творчеством Бреля я познакомился благодаря журналу «Иностранная литература». Было мне тогда только 17 лет, а Бреля уже не было. Но прожитая им жизнь, да и смерть его мне казались наполненными вечно юной романтикой.

Девушка с ромашками

П р и н ц е с с а

Спящие деревья сбросили меха,
Под горячим солнцем плакали снега.

В том лесу, где всякий заблудиться мог,
Белые ладони распустил цветок.

Юная Принцесса*, пробудив мой стих,
Тёплыми слезами целовала их.

* О, моя романтическая юность – время прекрасных Принцесс и благородных рыцарей!

Вагант Св

М р а к о п у с т и л с я

Мрак опустился, людей разогнав
По их тёплым постелям.
Город уснул, все ворота закрыв
На большие замки.
Неторопливо бреду я
По улицам сонным, не смея
Грусти ожившей моей
Растопить ледяные комки...

Х О Л О Д Н О Й О С Е Н Ь Ю *

Холодной осенью в завыванье ветра
Я услышал лето.

Я вспомнил дни,
Которые уже не вернуться.

Я вспомнил:
Смеялось солнце,
На песке возились дети,
Я выходил из дома,
Садился в тени мохнатого клёна,
А он весело махал мне руками,
И его листья
Нашёптывали мне свои песни.

Потом появлялась девушка,
Лёгкая, как призрак.
Заботливый ветерок
Задумчиво шевелил
Её светлые волосы.
Я боялся дышать,
Чтобы не спугнуть
Очаровательное видение.

И было странно
В такие дни
Видеть слёзы.

* Строчки навеяны песней Джо Дассена.

Д И С К О

Когда давит грусть,
И когда жжёт тоска
(Я их не выношу тяжёлой ноши),
Я пью — слегка —
И прихожу сюда,
Я топаю и хлопаю в ладоши.

Здесь песни
Хмельнее ночи,
Здесь музыкантов истошный крик,
И девочек томные очи,
И ресторанный шик.

Безумие! — в этом страсть,
Я взвинчен до предела,
Пусть я могу упасть,
Но никому нет дела.

Никому! До меня!
А мне б сильней нажраться!
И для вас, и для себя
Я буду улыбаться.

Опрокидываю я
Стулья,
Ломаю то, что хрупко.
Остановиться не могу я
И не хочу, мне жутко.

Жутко осознавать мне,
Что навозные мы жуки,
Мы — опавшие листья
И стоптанные башмаки.

Безвозвратно нас бросила вера.
Не вернётся она, не зови!
Наша судьба — Мегера,
Не простившая нам любви.

И крутимся мы в глупом диско,
Бездумно сжигая дни...
А может быть, счастье близко?
Попробуй-ка, догони!

Вагант Св

Д е м о н

Только мечется ветер и бьётся о камни,
Мои волосы рвутся в погоню за ним.
Я пирую один среди серых развалин,
Я — погибшей Земли властелин.

П о д с н е ж н и к и

В голубом стакане, застенчивы и робки,
Расцвели подснежники в юбочках коротких.

Под лесное пенье солнечных лучей
Я собрал их с нежной думою о ней.

Но она сказала: Жаль мне красоты,
Опадают быстро первые цветы.

Т у ч к и

Быстро темнеет на горизонте,
Прячутся люди под крыши, под зонтик.

Глупые люди, чего тут бояться?
Тучки проснулись, пришли искупаться.

Маленьким тучкам всё сверху видно.
Видно, за нас им немножко обидно.

Думают тучки: Неужели им дорог
Грязный и душный бездушный город?

Тучки приносят нам вод своих лужи.
— Дождик вам нужен? — Нужен! Нужен!

Девушка с ромашками

В о з в р а щ е н и е

Бесчувственная ночь пережёвывала луну,
Надкушенный кусок валялся в чёрном небе,
Мой дом темнел вдали подобно валуну,
Подобно нерешённой вечной теореме...

Д е в у ш к а с р о м а ш к а м и

Девушка с ромашками, я в вас не влюблялся,
Я лишь позавидовал вашему огню.
Может, в злую темень дьявол повстречался
И толкнул навстречу крашеному дню.

Девушка с ромашками, что же с нами будет?
Я лишь загляделся с грустью на букет,
Вы уж загадали: любит иль не любит?
Вы уже решили, бросит или нет.

Я тогда придумал грубую природу:
Тесную каморку, полумрак, интим.
Сделался актёром и игру взял в моду,
Стал упрямым, настойчивым и неукротимым.

Разыграл всё будто полностью на сцене.
Где-то ночь сжигала молнией гроза*,
А во тьме металась волость, как тени,
И глядели жалостно голые глаза.

А наутро рано дождик вымыл окна,
Я ушёл по лужам к будущему дню.
И о том, что было, помнил неохотно,
Но всю завидовал вашему огню.

* Был вариант *Где-то ночь шивала молнией гроза*, в котором молния уподоблялась швейной игле и который мне очень нравился, но, увы, никто не хотел понимать этот образ.

С к а ж и т е

Скажите, скажите, в каком общежитье
Мы проводили ночь?
Какие события свершались в подпитье?
Всё то ж, что и раньше.
Точь-в-точь!

Мне помнится смутно, как долго и нудно
Тянулся безрадостный день,
Как ночь наступала немного устало
На пьяные души людей.

Стаканы пустели, закуски хрустели,
На окнах оттаивал лёд,
Гитары стонали, а глотки орали
О том, будто всё пройдёт.

И всё проходило и с рук нам сходило:
И песни, и пьяный дебош.
Мы утром вставали и всё забывали,
Похмелье смывая с рож.

И вновь, как когда-то, брели виновато
Побитыми псами домой.
Нас дома встречали в глубокой печали
И плакали над судьбой.

Вагант Св

И з Ра и с а Ту л я к о в а *

Быть может, во Вселенной стало тесно?
Сверкавшая, как золото, звезда
Вдруг сорвалась с обители небесной,
Чтоб в озере исчезнуть навсегда.

Она, наверное, жестоко обманулась,
Приняв за небо синий цвет воды,
Завязнув в иле, тиной затянулась.
Как ни гляди — не увидеть звезды.

Она погасла?
Нет,
Звезда не гаснет!
Её огонь вздымает мою грудь.
Тебя, что всех милее и прекрасней,
Я не хотел бы так же обмануть...

* Юношеский перевод юношеских же стихов Раиса, ставшего известным башкирским поэтом.

Н а у р о к е

На височках — завитушки,
Белый бант — как будто птица,
И огромные веснушки
У девчонки-ученицы.

Перед ней сажу, скучаю
И стараюсь быть потише,
А она, не замечая,
За столом чего-то пишет.

Буквы пляшут в хороводе,
Отражаясь в строгом взгляде,
И старательно выходят
В ученической тетради.

Солнце глянуло — похоже,
Что заметило ошибки,
И, смешливое, не может
Удержаться от улыбки.

Я ж сажу хмур и обижен,
Но не смейтесь, бога ради,
Просто мне никто не пишет
В ученической тетради.

Вагант Св

В д е н ь , к о г д а

Лене

В день, когда на голову мою
Ляжет тень осенней позолоты,
Я грехов своих уже не замолю
Грустью неоконченной работы.

И когда зажжённую свечу
Вложит в руки доброхот-священник,
Я твоё святое имя прошепчу
И тебе отдам последнее свеченье.

СНИМИТЕ, ЖЕНЩИНА, СВОИ ЧУЛКИ

Снимите, женщина, свои чулки,
Они мне не по нраву, цвета синего.
А струны у души моей чутки,
Так полюбите же скорей меня красивого.

Позвольте, женщина, я перейду на «ты».
Глаза твои пьянят меня устало.
Скажи мне имя — буду я до хрипоты
Шептать его иссохшими устами.

От зависти закатится звезда,
Разлившись в небе в тысячи агоний.
Зарёй я уведу тебя туда,
Куда Макар телят своих всё гонит.

Обиделась? Прости же мою мать,
Что я рождён, — живу, не зная горя.
Но если ты уйдёшь, я буду ждать,
Как пегий пёс, бегущий краем моря.

Снимите, женщина, свои чулки,
Они мне не по нраву, цвета синего.
А струны у души, ах, как хрупки!
Ты не губи меня, моя красивая...

Вагант Св

В о к н о н а к и т а я н к у *

Дует ветер в окна,
В окна ветер дует.
Жёлтая красotka
Под окном кукует.

Ах ты, китаянка!
Раскосые очи!
Спрячься под кусточек:
Дождь тебя измочит!

Ты стучишься в окна,
Дворник тихо ропщет.
Кто там смотрит в стекла,
А впустить не хочет?

* Стихи написаны в ту пору, когда китайцев в Уфе совсем не было. Была одна китаянка, да и ту никуда не впускали.

Т я ж ё л ы й Г р у з *
Т я ж ё л ы й Г р у з *

Тяжёлый летний груз уже уложен,
Корабль солнца в гавани стоит.
Коль чайка с криком за тобой летит,
Тяжёлый летний груз уже уложен.

Корабль солнца в гавани стоит,
А на губах его фигур, как тени,
Открытые усмешки приведений.
Корабль солнца в гавани стоит.

Коль чайка с криком за тобой летит,
Был с запада приказ на потопление,
И в солнце ты утонешь без сомненья,
Коль чайка с криком за тобой летит.

* Перевод стихотворения *Die große Fracht* Ингеборг Бахман:

Die große Fracht des Sommers ist verladen,
das Sonnenschiff im Hafen liegt bereit,
wenn hinter dir die Möwe stürzt und schreit.
Die große Fracht des Sommers ist verladen.

Das Sonnenschiff im Hafen liegt bereit,
und auf die Lippen der Galionsfiguren
tritt unverhüllt das Lächeln der Lemuren.
Das Sonnenschiff im Hafen liegt bereit.

Wenn hinter dir die Möwe stürzt und schreit,
kommt aus dem Westen der Befehl zu sinken;
doch offenen Augs wirst du im Licht ertrinken,
wenn hinter dir die Möwe stürzt und schreit.

Вагант Св

Б е л ы м и с л о в а м и

Белыми словами в золота тепло
Времени безмерно много утекло.
На вечерних улочках — знак былой любви —
Ветер лишь ласкает волосы твои,
Лишь луна печалит в небе голоса,
Осень лишь целует грустные глаза.
В памяти безбрежной — тучи-острова...
Золото холодное, тёплые слова.

С о н е т

Когда огонь, похищенный с небес,
Вошёл теплом в сырые наши души,
Тогда и Бог нам стал совсем не нужен,
И Он ушёл, и радовался бес.

Мы ж по привычке жаждали чудес,
Не берегли костра — и он потушен.
Кто нас согреет в яростные стужи?
Простит ли нас Создатель наконец?

И вот теперь (не правда ли, Ильмира?)
Мы оттого всё бродим одиноко,
Что не постигнем строгого урока

И терпеливо ждём любви и мира
Со стороны. А нам и невдомёк:
Божественный в нас тлеет уголёк!

Вагант Св

Н о ч ь в е ч н а я

Ночь вечная, ночь безлунная,
Прими в свою плоть неправого.
Счастье моё безумное
От Господа иль от лукавого.

Пронзи меня, бессердечная,
Холодом — чувство выстынет.
Боль моя бесконечная
Разве ж такое выстонет.

* * * * *

Смешная, прости... Нет мочи...
Прости, коль любовь от Бога...
Звёздочками многоточий
Сквозь ночь моя льётся дорога.

Девушка с ромашками

И н е н а д о

И не надо твоей мне любви,
Со своей-то не знаю что делать...

Л ю б л ю т е б я д у р у

Люблю тебя дуру. За что, не знаю.
Лучи ль весенние меня пронзают?
Иль с перепоею вдруг обалдело
В раскрытую душу ворвался демон?

Люблю твои очи — безумные зори!
Люблю в тебе ночи, тоску и горе.
Люблю в тебе трепет, боль ожиданья.
Люблю наши встречи и расставанья.

Люблю вопросов ненужный ворох.
Какой я хитренький? Я просто олух!
Я сумасшедший с чужой судьбою,
Мне хорошо лишь с самим собою.

Раз по ошибке не запер двери,
И ты вошла в них. А я поверил
Как в откровенье — в волос дыханье,
И что мне горечь непониманья?

И что мне ссоры? В нелепой страсти
Слились в единое и смерть, и счастье.

К р а с н о е и ч ё р н о е

В день когда тебя жду
И свечи напрасно жгу
В красном окне
В день когда тебя жду
И сердце напрасно жгу
В чёрном огне
В ночь когда тебя жду
И звёзды напрасно жгу
В красной луне
В ночь когда тебя жду
И мысли напрасно жгу
В чёрном вине
Счастья тебе

Вагант Св

И е с л и в д р у г

И если вдруг осенний день
Дождем войдет в твою обитель,
Убогой жизни нашей тень
Прими смиренно, как Спаситель.

Кусая губы до крови,
Прими счастливое мученье:
Люби, не требуя любви,
Прости, не требуя прощенья.

Где-то там, на рабфаке

Где-то там, на рабфаке,
В тишине, в полумраке,
Когда лампочки тускло-претускло горят,
Ты сыграй мою осень,
И последних лет восемь
Улетят, улетят, улетят...

Улетят мои дали,
Мои грусти-печали,
И безрадостной жизни уйдут голоса,
Лишь щемящие звуки
Выбьют нежные руки,
Только глянут устало
Смешные глаза.

И в смешную девицу
Вновь смогу я влюбиться,
Как поманит меня за собою она.
Что же в сердце мы носим
Нашу долгую осень?
Что ж никак не наступит
На свете весна?

З д р а в с т в у й

Здравствуй, счастье моё, радость!
Как жила ты, как мечталось?
Где спала, с кем целовалась?
Может, что и мне осталось?

Мне остались в мире маски
В бесконечно жёлтой краске.
Не досталось только ласки,
Только ласки, доброй сказки.

Сказки сняться моим детям,
Сняться сказки твоей Свете:
Едет Золушка в карете,
Мчится Принц за ней, как ветер.

Словно ветер, моё счастье
Больно сердце рвёт на части.
Но в моей ли это власти –
Избежать нелепой страсти?

Как нелепо, как ранимо:
Быть вдвоём — невыносимо!
Ты беги скорее мимо,
Мой ребёнок, милый-милый...

СЛУЧИЛОСЬ ВНЕЗАПНО

Случилось внезапно. В день таинства Смерти
Судьбою играл легкомысленный ветер,
Мне в сердце забросил весеннее семя,
И спуталось сердце, и спуталось время.
Пронзили мне душу нездешнею песней
Глаза беспокойные, голос чудесный,
А в ночи волос, опьяняющих разом,
Я утопил свой несчастный разум.
Я спятил с ума. Был не буйным, но кротким.
И радость, и грусть разбавлял всегда водкой.
Забросил дела, стыд оставил Иуде.
Ах как улыбались мне встречные люди!
Ах как я смотрелся в их жадные очи!
И были прекрасны бессонные ночи!

Случилось. Всё так же внезапно исчезло,
Вдруг сердце остыло, душа опустела,
Ушло настроение, чувства пропали,
И вот я опять безнадежно нормален.
Я сплю, как покойник, не пью, не мечтаю.
Усы пожелтели — и облетают.

Вагант Св

Отбросил все «против»

Отбросил все «против», отбросил все «за»
И наплевал на всех:
Я хочу видеть твои глаза,
Слышать твой тихий смех!

Вечное в вечном, а в свете — мгла,
Лишь в жизни возможна смерть.
Только во мне бы ты жить могла,
В тебе бы я мог умереть.

Как вечный паломник, сквозь тьму и свет
Иду я к тебе, любя...
Как жаль, что тебя в этом мире нет
И нет в этом мире меня.

К о г д а - н и б у д ь

Когда-нибудь, когда войдёшь в осень,
Никто не вспомнит, не придёт вовсе,
И одиночеством кольнёт сердце,
И не найдёшь, куда тебе деться.

Тогда вернись, я буду ждать, верить,
На всякий случай не запру двери.
Коль будет темень, я зажгу свечку,
А будет холод — растоплю печку.

Взмолюсь: Прости мне, мой Господь-Отче,
Но дай взглянуть в её глаза-очи,
Останови, не дай пройти ей мимо,
Ну а потом впусти меня в зиму.

Вагант Св

О Ч Е Н Ь О Д И Н О К О Н О Ч Ь Ю

Где-то путь догорает млечный,
Обрываясь звездой прощальной...
Я любил тебя бесконечно!
Я любил тебя безначально...

Г р у с т и ш и е *

Алкали алки алчно
Плакали плаксы плачем
Смак смаковали смачно
Знали значение, значит
Горько горело горе
Печью пеклись печали
Взорью взорялись взоры
Вещие сны вещали
Слышались слухи слухом
Врали врачихи враки
Глушь оглушала глухо
Страшно страшили страхи
Люди людей людились
Чадом чадили чада
Мы взяли
И не напились
Чего вам еще надо?!

* Стихи были написаны для лежавшего в больнице Димы Масленникова, а название придумано им.

Вагант Св

Ч у ж и е с т р а н ы

Л.

Всё ищешь ты былой любви, большой и острой,
Но каждый вечер за тобой приходят монстры.
Ширяют дрянь, сминают грудь, кидают палку,
А я живу в чужой стране, пью минералку.

Ты смотришь в чёрное окно и ждёшь ответа,
А телефонные звонки застряли где-то,
А люди пьяные вокруг лежат вповалку,
А я живу в чужой стране, пью минералку.

А поутру, придя в себя, поднявшись с койки,
Ты выпьешь старое вино у грязной стойки.
Да пропади, гори огнём, оно не жалко!
Ведь я живу в чужой стране, пью минералку!

Чужой развал, чужой разброд, чужие раны...
Какого чёрта вдалеке чужие страны?!

У В Ы

Н.

Увы, всё прошло, и пошло
Всё начинать сначала.
«Люблю» твоё — неосторожно,
Уж лучше бы ты молчала.

Уж лучше бы не смотрела
Вопросом наивно-детским.
Устал я, такое дело,
И поговорить не с кем.

И з М а р г о *

Как нежно и пронзительно играет саксофон!
Тапёр ласкает клавиши рояля.
Танцуют в круге пары, и грустно мне с того,
Что мы не поменяемся ролями.

Мне дюны тихо шепчут, что в море пал закат,
А ветерок мне обнимает плечи,
Целует прямо в губы, в усталые глаза,
И о любви доносит чьи-то речи.

Играет сладко музыка, а в голове вино
Шумит, как будто волны у причала.
Я только посмотрела — ну, он, конечно, он!
Таким всегда его и представляла.

И на меня внезапно он бросил смелый взгляд,
Как долго я ждала такого взгляда!
Скажи, смешно, как мало женщины хотят,
И как им очень много в жизни надо.

* Стихотворный «перевод» прозаического произведения Марго Гросс.

П р о щ а й

В дверь вхожу и взором вниз —
На полу записки лист:
«Не печалься, не грусти,
Я уехала, прости!»

Как ногой внезапно в пах,
Разлетелся вечер в прах:
Бестолковое кино,
Одинокое вино.

Сериалом по мозгам
Тупизна телепрограмм,
Алкоголем по крови
Сгустки выпитой любви.

Тереблю мобильник — нет,
Недоступен абонент.
Закурилось невзначай.
Ты уехала. Прощай!

Вагант Св

Ревность (из античного) *

Разве сравнится с тобой красота керамической вазы?
Ревностью ваза горит. Шлёт равнодушных убийц
Крепко ветвями объять грациозное девичье тело:
Пусть не смущает богов твой терракотовый стан.

* Стихи навеяны фотокартиной Марго Гросс, дизайнера и по совместительству :) владелицы античной вазы. Меня поразило сравнение вазы и девушки. Когда-то один из древнегреческих философов задавался вопросом: «Что красивее – красивая девушка или красивая ваза?» Я-то точно знаю, как нужно было ему ответить.

Нелогичные стихи не про любовь

Я проснулся утром рано,
Выпил водки полстакана,
Позвонил своим подругам
И послал их далеко.

Ничего, что ходят тучи,
Будет праздник неминучий.
Не смотри в меня с испугом.
Ну кому сейчас легко?

Ну и что же... Ну и что же...
Хлещут капли мне по роже.
Я пройду по переулку
Прочитать тебе стихи.

Ты живёшь под самой крышей
И, конечно, не услышишь.
Дождь, наполни мне бутылку,
Я залью свои грехи.

Примечание. Почему-то «Бельские просторы» поменяли это название на «Нелогичные стихи про любовь», чем меня немного расстроили. Зато Елена Карелина откликнулась на них неожиданными красивыми стихами:

Под самой крышей...

Там, где голубей,
От избяных веков до наших дней,
Шуршание и воркотня... «до срока.

Вагант Св

А сроку было – сорок сороков»,
Летящих мимо.

Там, где я перо
Царевны-Лебедь отдаю Пьеро,
А он смеется, мол, перо сороки.

...На небе бьется золотой всполох
И затихает...

Посреди весны
Горька слеза березы и сосны.

Угарный запах тополёвых веток.

Недолюбив, орущий майский кот,
Под самой крышей, к небесам – впритык.

Там, где-то рядом, ходим – я и ты,
Плутая.

Заплутав однажды, ветер
Пытается взлететь который год.

В Ы Б Р О С Ъ

Выбрось мои фотокарточки,
Не хочу быть в твоих альбомах!
Фотки мои не в рамочке,
И сам я живу без дома.

Пусть с тобой обнимается
Другой в альбомных страницах.
Жизнь ещё не кончается,
Если поют птицы.

Только вот ветер холодно
В сердце ножом входит.
Давно мы уже не молоды,
А я одинок, вроде...

Примечание. Не могу не привести отклик Елены Карелиной на это стихотворение:

знаешь, на фотографиях
ставит печать время...
помнишь, мы были – мафия,
то есть – семья...
темень
окна...
и страниц вырванных...
впрочем, не о том речь,
встретимся мы – «завыкаем»,
имидж будем беречь...
кардио наши в графике,
ленточкою бумажной...
бьется на ветру шарфиком:
я...
ерунда, неважно...

Р у б а и

1.

Месяцы и годы покидают нас,
Женщины уходят, проклиная нас.
Вечный виночерпий под вечерним небом
Снова наполняет горестями нас.

2.

Налейте, друзья, мне текилы стакан,
Залью я огонь незатянутых ран.
Всё в нашем мире давно кверху попой,
Поди разберись, кто здесь трезв, а кто пьян.

3.

Разве в этом твоя вековая вина,
Что ни дня не прожить без кувшина вина?
Посмотри повнимательней в дно своей кружки,
Только там настоящая правда видна.

4.

Может быть, правда, а может быть, нет:
Не избежать предначертанных бед.
Если судьба над тобой посмеялась,
Ты улыбнёшься ей тоже в ответ.

5.

И тебя я на свете
Ненамеренно встретил.
Скоро станешь ты пылью,
Скоро буду я ветер.

Девушка с ромашками

Примечание. Любовь Либуркина не согласилась со мной и переписала первый катрен следующим образом:

Дрязги и невзгоды покидают нас,
Женщины приходят, понимая нас,
Вечный виночерпий под вечерним небом
Снова наполняет радостями нас.

На второе четверостишие «улыбнулся» Валерий Шувалов:

Скажите, Вам не верится
в то, что *in vino veritas*?
А я, признаться, верю,
но все-таки пью в меру!

А вот ещё от Любви Либуркиной:

Ненамеренные встречи
преднамеренно прощаю,
на твои чужие плечи
пыль тихонечко сметаю.

Вагант Св

С Т И Х И д л я Р а д у г и

Марго

Дождь меня тихо радовал,
Солнце дарило ласки.
Только исчезла радуга.
Может, закончились краски?

Облачной тенью взмыли мы:
Встретиться хоть во сне бы!
Птицы не машут крыльями,
Может, закончилось небо?

Слышал я, будто в Таллине
Люди живут в разлуке.
Письма писать ты устала мне,
Может, закончились звуки?

Временно беззаботные
Маемся с Интернетом.
Падают листья под ноги,
Может, закончилось лето?

М о р е

Море волнуется — раз —
Слёзы прощанья из глаз.
Море волнуется — два —
Мы повстречались едва.
Море волнуется — три —
Глупое сердце, замри...*

* Оптимистическое продолжение дописала Татьяна Хожан:

Море волнуется — пять —
Можно сначала начать:

Море волнуется — раз...
Слезы при встрече из глаз.
Море волнуется — два —
Мы не рыдали едва.
Море волнуется — три —
Сердце, от счастья замри!

И г р а

Прощальный вечер мечет баламут,
Но дама треф рутирует на диво.
Как часто счастье мимо проходило,
И всё же стоит свеч азарта зуд!

Атанде! В муке руки карту гнут,
Летят понтёрки с горечью правдивой,
И в новый абцуг, улыбаясь криво,
Сдаёт опять плие картёжный плут.

Наверняка бьёт нервная усталость:
Была игра — в колоде заметалась,
И нужен выход. Выхода всё нет.

Тогда ва-банк удариться с подъёмом!
Но дерзким, ловким шулерским приёмом
Навек убит отчаянный валет.

Примечание. Сонет написан в пору увлечения карточным жаргоном XIX века. Использована терминология игры в банк: *метать* – сдавать карты, *баламут* – шулерская колода с особым порядком карт, при котором все или почти все карты биты, *трефи* – карточная масть, крести, *рутиривать* – (о карте) повторяться несколько раз подряд на ставках игрока, *стоит свеч* (об игре) – иметь положительный результат, *атанде* – возглас игрока, означающий «Довольно!», *гнуть карту* – делать ставку, *понтёрка* – карта, на которую сделана ставка (после проигрыша выбрасывается), *абцуг* – пара карт при метании направо и налево, *плие* – совпадение карт в абцуге, при котором выигрывает банкoмёт, *играть наверняка* – использовать шулерские приёмы, *была игра* – выражение, означающее сильную (с крупными ставками) игру, *заметаться* (о карте) – затеряться, *выход* – появление (в данном случае – нужной) карты, *ва-банк* – ставка на весь банк, *убит* – о битой (проигравшей) карте.

Девушка с ромашками
Свежий вдыхаю воздух тёплой
осенней ночью, когда шалов-
ливый ветер ласково спорит
с дождём. Разве это не сча-
стье? Разве это несчастье?
Боюсь умереть от астмы..

ё...*

* Люблю букву ё. Жаль, что ею многие пренебрегают. Она несёт очень важную смысловую нагрузку, а становясь текстом, очень ёмко выражает семантику, как, например, и в этом случае.

Вагант Св

Н и к о г д а

Никогда не смогу отпустить...
Отпущу, если очень захочешь.
Я прощу в эту осень. А впрочем,
Ты сама разорвёшь эту нить.

Девушка с ромашками

О с е н ь — э т о п о х м е л ь е

Чего нам ещё не хватает? Осени или зимы?
Быть может, прощенья женщин, в которых мы влюблены
Были совсем недавно? Осталась одна вина.
Осень — это похмелье. А что же тогда зима?

Вагант Св

Н е з а б у д к а

Л. Либуркиной

Уносит весна безвозвратно,
Цветы колдовской незабудки.
Любовь, ты приходишь внезапно
И шутишь грустные шутки...

Девушка с ромашками
Л ю б о в ь в У ф е

Любе

Она сама к тебе придёт,
Как ритм в сапфической строфе,
Как рифм стремительный полёт, —
Любовь в фаллической Уфе.

Вагант Св

Прощай, рубиновое небо

Не будет сегодня песен, и Не будет сегодня писем...

Я отключил телефон И отрубил Интернет.
Считайте, что меня нет, Думайте, что я умер.
Надоело жить в шуме.
Радио и телевизор — к чёрту! Компьютерам бой!
Бог с тобой, Красная Шапочка*,
Бог с тобой!

Прощай, рубиновое небо
С едва заметной бирюзой!
Я расстаюсь с тобой несмело,
Как будто с девочкой чужой.
Спускаюсь в ночь страны опальной,
Где тени бледные мокриц,
Ползут по сырости подвальной
На блики почерневших лиц,
Где малодушная природа
Стыдливо опускает взгляд
И где в любое время года
Со стен сочится горький яд.

Там, где уныние пронзает
Среди заброшенных могил,
Я помолюсь, и Бог прознает,

* *Бог с тобой, Красная Шапочка* – выражение из народной речи.

Девушка с ромашками

Как я без памяти любил.
Как, глядя в мир без опасенья
Через любви тончайший шёлк,
Ловил счастливые мгновенья,
Но лишь отчаянье нашёл.
Как годы в мрачно-красном цвете
Пылал пожар земных утех:
Я рифмовал любовь со смертью,
И это был последний грех.

Вагант Св

П о с л е с м е р т и

Я знаю, ты сорвёшь наброшенную простынь,
И в глубине больших таинственных зеркал
Мы встретимся с тобой необычайно просто,
Как будто бы никто из нас не умирал.

Я, годы проведя в мучительных агоньях,
Всё верил: ты меня, любимая, простишь.
И думал умереть с рукой в твоих ладонях,
А умер, обнимая компьютерную мышь.

Н а з в а т ь с в о и м и и м е н а м и

Литературная лексика деградируют. «Голубой щенок» и «голубой вагон» неизменно вызывают если не смех, то плохо скрываемую улыбку. Строчки классика «Я еду-еду не грущу, а как наеду, не спущу» читаются с грустью. Песня великого барда «И всё же конец мой — ещё не конец, Конец — это чьё-то начало» понимается совершенно неверно. Глаголы «иметь» и «стоит» произносятся осторожно, с оглядкой на переносный смысл. Нездоровый интерес к пикантной семантике приводит к массовой пошлости массовой культуры. А «юмористы», засевшие на телевидении и зарабатывающие на этом деньги, пытаются внушить доверчивому зрителю, что это и есть хороший вкус. Когда надоедает вся эта гнусность, возникает «ностальгия по настоящему» и хочется выразаться откровенными «правильными» словами:

В век компьютерной мастурбации
В настоящую <целоваться> бы...

Может быть, так честнее а?

Вернуть слова из заключенья!
Все эти гордые «зека»
С прямым (не косвенным!) значением
Есть боль и слава языка.
Но так сложилось между нами,
Что чувства тайные вовек
Назвать своими именами

Вагант Св

Не сможет слабый человек.
И потому, назвавши матом,
Не понимая, что зазря,
Как провинившихся солдат, он
Слова сгоняет в лагеря.
Неся свой крест в краю суровом,
Они вмерзают в жёлтый снег,
Хотя сначала было слово,
И только после — членосек*.

* Слово из словаря начала XIX в. Н. Абрамова.

Девушка с ромашками

К Т О О Н а

«кто она чтобы требовать ласки такой»*
злая ночь наполняет морозной тоской
леденит и пронзает нас ветер когда
не горит в замерзающем небе звезда

не спасает не греет давно алкоголь

* Стих Поля Элюара.

Вагант Св

Лейте, Елена, елей

Елене Лапиной-Балк

Лейте, Елена, елей
На обожжённые лица.
В сумраке рваных ночей
Пусть нам хорошее снится.

Солнечный ласковый свет
Кличет к себе птичью стаю.
Глядя печально ей вслед,
Ваши странички листаю...

Девушка с ромашками

С а д ы

Елене Лапиной-Балк

Ах, Лена, восточные краски
Я вижу в раскрытые двери.
Сады Ваши — чудные сказки,
В которые хочется верить.

Я в мир Ваш войти не умею
И робко топчусь у порога.
Как всё у Вас роскошью веет!
И как у меня всё убого...

Вагант Св

П о х м е л ь н о е у т р о

Пустые бутылки глядят
Глазами голодных циклопов.
От полусемейных бодяг
Очищусь магрибским иссопом.

Пусть картезианский шартрёз
Вольётся сквозь горлышка штуцер.
Как много я пробок принёс,
И всё не могу заткнуться!

У т а п т ы в а т е л ь

Я простой утаптыватель снега
И люблю профессию свою.
В этой жизни кем я только не был,
А теперь на службе состою
У природы, только у природы,
Подчиняюсь её воле и страстям,
Не ищу ни славы, ни свободы,
Не стремлюсь к высоким скоростям.
Но в сугробы втаптываюсь смело –
Видно, в этом назначение моё –
И пока я занят этим делом
Сердце биться не перестаёт.
Даже если вьюжные метели
Снова тропы снегом заметут,
Я в устало-белом опохмелье
Не спеша продолжу свой маршрут.*

* Анатолий Столетов написал несколько замечательных пародий на мои строчки. Приведу самое короткое стихотворение:

Я о встрече не гадал, коллега,
Но судьба забросила в Москву.
Я, как Вы, утаптыватель снега,
Только жаль, в Зимбабве я живу.

Вагант Св

Навсегда – никогда – иногда

Не смотри с упрёком постоянным,
И закроем тему навсегда:
Никогда я не бываю пьяным,
Только лишь трезвею иногда.*

* Автор неожиданно получил множество откликов на эти четыре строчки. Вот так отреагировала Елена Гарченко:

Я люблю, когда ты пьян лишь мною,
И запомни это навсегда:
Так люблю тебя, что не позволю
Трезвым быть – всего лишь иногда...

Стихи от Дмитрия Масленникова:

Мне в ребро вопрос упёрт до рези
В печени... Я знаю без причуд:
Я всегда бываю только трезвым,
Тол-л-лько тр-р-резвым, только на чуть-чуть...

И от Любви Либуркиной:

Пить или не пить – вопрос так не стоит,
А как ещё бороться с алкоголем?
Фаллической Уфы насмешливый пиит
Трезвеет только перед аналогом.

Ш у л е р с к а я

Осень нерешительно дометала талию,
И за дело принялся белый банкомёт.
Я же на зелёном поле обитаю,
Мне в проклятых картах всё ещё везёт.

Чёрные арапы дружески-угодливо
Смотрят хитро в руки злого визави.
Сам себе противен в этом блядском кодле,
Я б к тебе вернулся, только позови.

Не могу позволить я страсти и отчаянья,
Нет теперь в понятиях радостей и бед.
Да, теперь я холоден, строг и опечален,
И готов разделать всех строго под лабет.

Но упрямо, милая, в боль свою не верю я,
С тайною надеждою всё сижу в вистах.
Бог ты, парадокс ты мой: чтоб вернуть потерю,
Я продуюсь начисто, право, в пух и прах!*

* *Метать* – сдавать карты, *талиа* – две колоды карт при игре в банк, *зелёное поле* – ломберный стол для игры в карты, *арап* – проигравшийся игрок, отмеченный на чёрной доске должников, часто – подручный шулера, *разделать под лабет* – обыграть соперника с хорошим итогом, *сидеть в вистах* – играть против банкомёта, *продуться* – проиграть.

Вагант Св

Любжа для зеленоглазой

Матушка-муравушка, зелёная трава,
Топчет тебя ножками Божия раба,
Ходит-бродит мимо, в дальней стороне
Мыслями не мыслит дева обо мне.

Грусть-тоской зелёной голову клоня,
Поверни ей ножки резвы до меня.
У неё пусть в разуме я всегда-езде,
Где бы ни топталась, ни болталась где.
Пусть пьянит любовью горькая буза
Девицу-красавицу — зелёные глаза.

Аминь!

Я п о в т о р я л т е б е

Я повторял тебе до хрипоты
(Ты не верила, думала — ложь):
Дом для меня только там, где есть ты,
А без тебя я — бомж.

Жизнь протекла бы моя без хлопот
С тобой у родных очагов.
Какого же чёрта искал я чего-то
И не нашёл ничего?

Д и м а *

Я — Дима!
Безумная сила меня уносила
..... горячим теченьем Гольфстрима.
Я — диво!
Я — демон
судьбы, самой лютой любви,
.....что в снегах Магадана хранима.
Я — Дима.
Я - дикий
апгрейденный монстр, а тело, как бритвой,
.....бито хер-рургом голимым.
Я — Дима!
О Дио!
Всевышний! Я — хакер, взломавший
.....пароли паскудного мира!
Прости мои строки, орущие невыносимо
правдиво.
Я — Дима!

* Стихи на мотив А. Вознесенского написаны к вечеру поэта Дмитрия Масленникова.

Девушка с ромашками

Плохо тебе со мной.
Обернусь на прощанье

Так получилось просто,
Что мы ошиблись где-то.
Не задавай вопросов:
Я позабыл ответы.

Боль отгоревшей страсти
Скроют глаза прохожих.
Был я с тобою счастлив,
Ты будь счастливой тоже...

Вагант Св

В д о м е п у с т о м

В доме пустом пустые шкафы разинули рот,
Голодно смотрят злобным смешком холодных зеркал.
Жизнь ненароком снова пошла на разворот.
Что ж удивляться, ты же про это помнил и знал?

Знал, постучится в раскрытую дверь слепой почтальон,
Знал, занесёт тебе похоронку нелепой войны.
Здравствуй, приятель, ты был безжалостной ночью рождён.
Разве не страшно в дом приносить ощущение вины?

В доме пустом завешены окна, света в них нет,
Света в них нет, значит, настал отпущенный срок.
Смысла в них нет, как от пустых рекламных газет,
Где не найти самых простых пронзительных строк.

Это не важно, кто первый обидит и первым уйдёт.
Лишь бы упрятать во взгляды прохожих нечаянный стыд.
Листьями осени ветер смятенье уймёт,
Дождь всепрощенья, возможно, и это простит.

Б О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Й О Г О Н Ъ

Лиле

Божественный огонь меня создал из пыли
Лишь для того, чтоб мог немыслимое сметь.
В ладу с самим собой, с заветами простыми
Я в схватке победил безжалостную смерть.

Зачем я рисковал, и странствовал зачем я
В чужих, враждебных мне неведомых мирах?
Но, тихо совершив своё предназначенье,
По слову Твоему вновь возвращаюсь в прах.

Содержание

Люби меня всегда. <i>Повесть</i>	3
И это была любовь. <i>Рассказ</i>	77
Пушкин 37-го года. <i>Рассказ</i>	93
Девушка с ромашками. <i>Стихи</i>	119
Снова осень	121
Памяти Брежнев	122
Принцесса	123
Мрак опустился	124
Холодной осенью	125
Диско	126
Демон	128
Подснежники	129
Тучки	130
Возвращение	131
Девушка с ромашками	132
Скажите	133
Из Раисы Тулякова	134
На уроке	135
В день, когда	136
Снимите, женщина, свои чулки	137
В окно на китайку	138
Тяжёлый груз	139
Белыми словами	140
Сонет	141
Ночь вечная	142
И не надо	143
Люблю тебя дуру	144
Красное и чёрное	145
И если вдруг	146
Где-то там, на рабфаке	147
Здравствуй	148

Девушка с ромашками

Случилось внезапно	149
Отбросил все «против»	150
Когда-нибудь	151
Очень одиноко ночью	152
Грустишие	153
Чужие страны	154
Увы	155
Из Марго	156
Прощай	157
Ревность	158
Нелогичные стихи не про любовь	159
Выбрось	161
Рубаи	162
Стихи для Радуги	164
Море	165
Игра	166
Свежий вдыхаю воздух...	167
Никогда	168
Осень – это похмелье	169
Незабудка	170
Любовь в Уфе	171
Прощай, рубиновое небо	172
После смерти	174
Назвать своими именами	175
Кто она	177
Лейте, Елена, елей	178
Сады	179
Похмельное утро	180
Утаптыватель	181
Навсегда-никогда-иногда	182
Шулерская	183
Любжа для зеленоглазой	184
Я повторял тебе	185
Дима	186
Плохо тебе со мной	187
В доме пустом	188
Божественный огонь	189

Литературно-художественное издание

Вагант Св

Пушкин 37-го года

Редакторы:
Т.В. Подкопаева
Е.Н. Дементьева

Художник
Кирилл Шанин

Vagant 2010

Подписано в печать 16.01.2010. Формат 60X84/16.
Компьютерный набор. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. — 10,6. Уч.-изд. л. — 10,4. Тираж 500 экз.
Заказ № 252.

ООО «Вагант»
450076, г.Уфа, ул. Коммунистическая, 22 а
E-mail: salavatv@rambler.ru